

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ГЕОРГИЙ ШАХ

НЕТ ПОВЕСТИ ПЕЧАЛЬНЕЕ
НА СВЕТЕ...

Георгий Хосроевич Шах

Нет повести печальнее на свете...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129333

Нет повести печальнее на свете...: Молодая гвардия; Москва; 1984

Аннотация

На планете Гермес люди разделены на профессиональные кланы. Вопреки законам и традициям мата Ула и агрянин Ром полюбили друг друга и были подвергнуты гонениям и преследованию. В научно-фантастическом романе с увлекательной интригой ставятся сложные нравственные проблемы. Роман будет интересен широкому кругу молодых читателей.

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	9
1	9
2	19
3	27
4	39
5	48
6	59
7	73
8	87
9	102
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Георгий Хосроевич ШАХ

**НЕТ ПОВЕСТИ
ПЕЧАЛЬНЕЕ НА СВЕТЕ...**

Научно-фантастический роман

ПРОЛОГ

Ром задыхался. По тяжелому топоту позади он чувствовал, что расстояние, отделявшее его от преследователей, сокращается. Боязнь потерять драгоценные секунды не позволяла оглянуться. В ушах все громче звучали бессвязные угрожающие выкрики.

На помощь со стороны надеяться было нечего. Стражи порядка редко появлялись в этот поздний час, да и вообще предпочитали не вмешиваться в мелкие клановые стычки. Улицы были пустынные, дома наглухо заперты. Будь даже у него в запасе две-три минуты, чтобы постучать и попросить убежища, где гарантия, что ему откроют двери? Он неважно знал город и не имел понятия, чей это район.

В возбужденном мозгу мелькнула мысль: «Что я делаю, по прямой мне от них не уйти!» Ром метнулся в первый попавшийся переулок, оказавшийся, наудачу, плохо освещенным. Он бросился к большому массивному зданию, видимо, общественного назначения, прыжком одолел несколько ступенек, ведущих на просторную площадку перед порталом, и прижался к одному из атлантов, несущих на своих мощных согбенных плечах парадный балкон. Ром буквально вжался в камень, пытаясь стать невидимым, усилием воли задержал дыхание.

Маневр удался. Ватага с гиком пронеслась мимо. Только

пробежав еще сотни две метров, его недруги сообразили, что их провели. В нерешительности они потоптались с минуту, чертыхаясь и переругиваясь, а затем повернули обратно.

Продолжай Ром прятаться за своего атланта, он мог бы остаться незамеченным. Но надежда на свои силы, подкрепленные передышкой, толкнула его: ухватившись за выступ в каменной кладке и стараясь не шуметь, он начал карабкаться на балкон. Это ему почти удалось, но в последний момент, когда, уцепившись за кронштейн, он вынужден был оторваться от стены и подтягиваться на руках, его преследователи поравнялись со зданием, и один из них обратил внимание на несуразно качающуюся тень.

Через несколько мгновений Ром стоял в центре плотного вражеского кольца, и отовсюду в лицо ему, как плевки, неслись изощренные ругательства на чужом языке. В замкнутом пространстве улицы, прикрытой пологом низко стелющихся облаков, голоса звучали гулко и пронзительно.

– Ах ты, дисфункция переменного!

– Корень из нуля!

– Квадрат бесконечности!

И эхом отдавался в сознании хриплый шепот апа:

– Эрозия!

– Недород!

– Сорняк!

Каждое слово брани оставляло в его душе глубокие шрамы. Голова кружилась от безмерного унижения, ноги подка-

шивались. Ром чувствовал, что еще две-три минуты истязания, и он не выдержит.

– Тебя ведь предупреждали: оставь ее в покое! Иначе не то еще будет. Это я тебе обещаю, ее брат.

Ром узнал резкий голос Тибора.

– И я, ее жених. На той неделе наша свадьба, – сказал с вызовом высокий лощеный парень с длинными, по плечи, волосами.

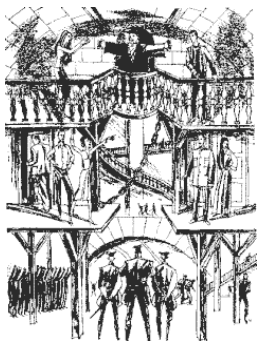
– Неправда! – Из последних сил Ром дотянулся до него, схватил за грудь.

– Уж не ты ли помешаешь? – презрительно фыркнул длинноволосый, уцепившись за ворот рубахи Рома, рванул его к себе, прокричал в ухо: – Семерка!

Черная волна накатилась на Рома, от нестерпимой боли в затылке он начал сползать на землю.

– Брось его, Пер, – посоветовал Тибор. – На первый раз с него хватит.

И они ушли, весело переговариваясь, как люди, исполнившие свой долг.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Они познакомились летом.

В тот вечер Ром и его брат Гель с двумя сокурсниками сидели за кружками с ячменным напитком на приморской террасе. Пятым был Сторти, их наставник. У него была своя манера воспитания, сводившаяся к формуле: «Быть с ними». Сторти ходил за своими подопечными по пятам, ссужал им деньги и оказывал иные неоценимые услуги, гонял с ними в футбол, исповедовался, провоцируя на ответные доверительные признания, и даже увязывался на молодежные танцульки. Поначалу студенты стеснялись его, принимая за шпиона. Потом привыкли или скорее смирились с его присутствием. Коллеги осуждали Сторти за панибратство с мальчишками и нарушение преподавательской этики, даже попытались убрать его с факультета. Вот уж после этого молодежь окончательно признала его своим.

– Нас, агров, – шумно разглагольствовал Сторти, обтирая пену с рыжих усов, – никто в грош не ставит. И поделом. Ковыряемся в земле, как черви. Человечество может совершать всякие подвиги, опускать батискаф на океанское дно или отрывать от земли аппарат тяжелей воздуха. А мы знай

себе сеем-собираем, опять сеем и опять собираем, кормим своих коровенок да доим их, и так десять тысяч лет. Чего ж мы после этого стоим!

– Положим, так, да не так, – ввязался в спор долговязый Метью. – Дед мой еще лопатой орудовал, отец тоже держал ее на всякий случай, хотя за всю жизнь она ни разу ему не пригодилась – вы ведь знаете, он классно управлял комбайном. А мы теперь и вовсе умными стали, кнопки нажимаем.

– Кнопочки, кнопки, – передразнил Сторти, – а кто их придумал, уж не ты ли? Остановись в поле робот, вся наша компания только и умеет, что бежать к телефону звать теха.

– Ты же сам нас поучал, что цивилизация держится на разделении труда, – недоуменно вставил Бен, отличавшийся феноменальной памятью и столь же феноменальным простодушием.

– Я и не отказываюсь, голубчик ты мой. Только когда труд делили, нам достался не лучший кусок.

Ром помалкивал, он давно усвоил педагогические приемы наставника. А точку поставил умник Гель:

– Сторти разыгрывает, что вы, не знаете его? Аграм достался ключ к жизни, без нас все протянут ноги.

– Bravo, мальчик! А вот кто из вас скажет, что самое важное в нашем деле? – Сторти многозначительно уставил в них мясистый палец.

– Нюх на погоду, – мигом нашелся Гель.

– Знание агротехники, – по-книжному откликнулся Бен.

– Я так думаю: хорошему агру надо быть немного филлом.

– А почему филлом?

– Не знаю, просто я так думаю. Чего ты ко мне пристал? – огрызнулся Метью.

– Не дерзи, – миролюбиво отозвался Сторти. – Ну а ты, Ром?

– Может быть, наблюдательность. А может быть, надо просто ее любить.

– Кого ее? – насмешливо спросил Гель.

– Землю, конечно.

– Дай я тебя поцелую, – расчувствовался Сторти, чмокая Рома в щеку. – Впрочем, и все остальные лицом в грязь не ударили. Даже ты, Мет. Хотя, признаться, я тоже не соображу, зачем агру быть немного филлом.

Такие бесцельные перекидки словами здесь, на отдыхе, бывали у них чуть ли не ежедневно. Сторти почитал долгом будить у своих молодых друзей мысль. Для него не было большего удовольствия, чем завести перепалку, а самому, потягивая ячменку, выступать в роли арбитра.

Так случилось и на этот раз. Разгорячились и ораторствовали о чем попало, пока на террасе не погасли огни. Вышли к морю, там еще Метью продолжал путано объяснять свою идею, но его никто не слушал. Вечер был жаркий, воздух пропитан ароматами окаймлявших залив садов, верещали цикады, море, утихшее после двухдневного шторма, маняще урчало.

– Айда купаться! – неожиданно выкрикнул Гель, стаскивая рубаху.

– Только не здесь. Я знаю отличное местечко, за мной! – Ром побежал вдоль берега, остальные кинулись за ним. Бежать было трудно, ноги вязли в мокром песке, и грузный Сторти быстро выдохся.

– Пойдите, – заорал он, – вы что, опаздываете на поезд?

Ром было остановился, но Гель подтолкнул его локтем.

– Ничего, – крикнул он, – тебе все равно пора на боковую!

– Ах ты, паршивец, – взревел Сторти, – как же можно бросать товарища?

– Не в пустыне, – ответил Гель, – найдешь дорогу домой, бе-ре-ги здоровье!

Они понеслись дальше и долго еще слышали чертыханья разобиженного наставника.

А вот и та самая укромная бухточка, которую Ром облюбовал, бродя в здешних местах. Они перемахнули через кусты и остановились как вкопанные.

Море было в нескольких шагах. И из него выходила обнаженная девушка. Не замечая их, она направилась к своим вещам и только в последний момент, едва не столкнувшись

со стоящим впереди Ромом, подняла голову. На лице промелькнул испуг, она замерла, неловко прикрываясь руками.

Первым пришел в себя Гель.

– Ого, – сказал он в своей обычной насмешливой манере, – какая птичка. Ты, Ром, в самом деле отыскал место на славу.

– Позвольте представиться, – подхватил ему в тон Мет, – Метью, – он ткнул себя в грудь, – и мои друзья.

– Она очень красива, – поделился своими наблюдениями Бен.

Ром молча разглядывал девушку. Это было крайне бес тактно, но он не мог отвести от нее глаз. Она была высока, почти с него ростом, узкогруда, с тонкой вытянутой талией, – уместится в ладони, подумал он. Капли воды, рассыпавшиеся на матовой коже, поблескивали в перекрестном свете двух лун. Длинные прямые волосы цвета ржи мягко стелились по плечам. Глаза у нее были оранжевые, яркие. И теперь она смотрела на него бесстрастно, даже с вызовом.

Ром, не оборачиваясь, кинул через плечо:

– Гель, и вы, Мет, Бен, уходите!

Гель нервно хохотнул.

– Интересно, с какой стати мы должны уступать тебе красоту? А может, она предпочтет кого-нибудь другого!

– Вот именно, – присоединился Метью. – Надо по справедливости, метнем жребий.

– Ты что, спятил?! – возмутился Бен.

– А если тебе достанется, чистюля, не откажешься ведь?

– Ну зачем, Мет, мы ведь не дикари, разыгрывать ее в кости. Пусть сама выберет, по доброй воле. – Гель шагнул к девушке и положил руку ей на плечо. – Слышала, слово за тобой.

Сам не сознавая, что делает, Ром схватил брата за грудь и с силой швырнул на землю. Щуплый Гель откатился на несколько метров, взыв от боли и негодования.

– Подходите, – зло сказал Ром, – кто еще хочет участвовать в розыгрыше. – Он повернулся лицом к товарищам, сжимая кулаки.

Секунду стояла напряженная тишина. И тут вдруг девушка заговорила.

– Дайте мне одеться, я долго плавала и очень устала, – перевели апы ее слова.

– Да она не наша, – разочарованно воскликнул Метью.

– Скорее всего мата, – догадался Бен.

– Ну вот, а ты готов родного брата убить из-за какой-то чужой девки, – процедил Гель, поднимаясь и отряхивая песок.

– Уходите, – упрямо повторил Ром.

– Опомнись, что ты будешь с ней делать?

– Пойдем с нами, Ром, Гель прав, – Бен потянул его за рукав.

– Это мое дело.

– Черт с ним, пусть поступает как знает.

Они ушли, Ром поднял с земли одежду девушки, протянул ей и отвернулся.

– Кто ты? – спросил он.

– Я мата.

– Это я уже знаю. Как тебя звать?

– Ула.

– А меня Ром.

Она промолчала.

– Ты любишь плавать?

– Да.

– Я тоже.

И опять никакого отклика. Ром не отступался.

– Ты учишься?

– Да.

– Чему же вас учат?

– Тебе это будет непонятно.

– Ах, высокие материи, – съязвил он и, не услышав ответа, сказал с раздражением: – Что ты молчишь, снизойди наконец до простого смертного, тебя ведь не убудет!

– Ну вот, я готова. – Она обошла его и стала лицом к лицу.

– Скажи, почему ты ударил своего брата... это ведь твой брат?

– Да, его зовут Гель. Почему? Потому что он до тебя до-
тронулся.

– Разве ты должен вступаться за чужую?

– Ты показалась мне беззащитной.

– Ерунда! – сказала она с вызовом. – Я прекрасно могу за себя постоять.

– Поздравляю. Все равно, мне было неприятно.

Она вздернула плечами.

– Подумаешь, какая важность! Я к этому отношусь спокойно.

– Странная ты девушка.

– Вот как! А я думаю, это ты странный. Бить своих... Ты всегда так поступаешь?

– Нет, – признался он, – в первый раз.

– Не любишь свой клан? – продолжала она, словно не слыша его реплики. – Впрочем, может быть, у вас, агров, вообще так заведено?

– У нас, агров, как у всех, – возразил Ром с обидой. – Или мы не люди?

– Я этого не сказала.

– Но подумала. Послушай, откуда у тебя такое презрение к аграм? Ты хоть вспоминаешь изредка, кто вас кормит?

– Вы выполняете свою долю работы. Цивилизация держится на разделении труда, – сказала Ула назидательно.

– Это я знаю. Но вот Сторти говорит, что когда делили труд, нам достался не лучший кусок. Вы, должно быть, чувствуете себя небожителями, матам ведь повезло больше всех, у вас самая чистая и важная работа.

– Кто такой Сторти?

– Наш наставник.

– Ладно, мне пора.

– Можно тебя проводить?

– Зачем, я и сама найду дорогу.

– Так, поговорим.

– О чем? Вроде мы с тобой все выяснили, ты – агр, я – мата, что у нас общего?

– Что общего? – Ром поразмыслил секунду, потом обвел рукой окружающую их природу: – Море, песок, яблони... Мы оба прикрываемся ладонью от солнечного луча и оба слышим пение жаворонка. Ты и я – мы живем, дышим, радуемся, страдаем. И еще нам суждено любить.

– Любить? Да, конечно, но только себе подобного.

– Ты уверена?

Тень смущения скользнула по лицу Улы.

– Боишься даже подумать об этом? Или я хуже парней из вашего клана?

Рому показалось, что она впервые посмотрела на него как на одушевленный предмет. Обежала взглядом его мускулистое юношеское тело, всмотрелась в ясные синие глаза.

– Ты красив, – сказала Ула просто и после паузы добавила: – Но ты не знаешь теории вероятностей.

Злость и обида затопили рассудок Рома. Он внезапно обхватил Улу своими сильными руками, прижал к себе и поцеловал в губы. Потом отпустил и отшатнулся, ожидая пощечины.

Она секунду пристально смотрела ему в глаза. Потом ска-

зала с легким оттенком сожаления:

– Это ничего не меняет. Ты ведь все равно не знаешь теории вероятностей.

Несколько мгновений они стояли в неловкости и отчуждении. Не дождавшись ответа, Ула повернулась и пошла. Испытывая незнакомое ему до сих пор чувство невосполнимой потери, Ром смотрел на ее исчезающую в темноте узкую фигуру, и его разрывало желание кинуться вслед, грубо схватить Улу за руку, вернуть ей боль, которую она ему причинила, и не отпускать от себя больше.

У кромки кустов Ула остановилась и помахала ему рукой. «Прощай, Ром, странный парень», – донеслись до него ее слова.

2

Профессор агрохимии Вальдес, энергичный и подтянутый, несмотря на свои семьдесят лет, с энтузиазмом разъяснял студентам преимущества нового синтезированного корма.

– Прутин представляет собой белок, получаемый в результате непрерывной ферментации на основе выращивания микроорганизмов, питающихся метанолом. Он содержит семьдесят один и две десятых процента белка, тринадцать и две десятых жира, обладает высокой калорийностью, хорошими вкусовыми качествами и усвояемостью.

– Откуда известно, профессор, относительно вкусовых качеств?

– Не ехидничай, Метью. Поскольку коровы поедают прутин с аппетитом, мы вправе сделать вывод, что он вкусен.

– Чего не проглотишь, когда голоден! Им ведь не предлагают меню.

– Ну вот что! Если тебе так важно удостовериться во вкусовых качествах прутина, сделай эксперимент – съешь порцию.

В классе засмеялись. Довольный тем, что ему удалось взять верх над присяжным остряком Метом, Вальдес возобновил лекцию.

– Прутин хорош и для замены сухого обезжиренного мо-

лока в кормах для молочных телят. Его можно употреблять в сочетании с такими ингредиентами, как соевый концентрат, соевый изолят, гидролизат рыбного белка и картофельный белок...

Вся эта премудрость скользила мимо ушей Рома, пытавшегося восстановить в памяти и занести на бумагу формулы, вычитанные им из учебника математики. Нелегко досталась ему эта пухлая книга. Целую неделю он прилежно изучал поведение матов в университетской библиотеке, фланировал мимо их отсека, воровато окидывая взглядом расставленную на стендах учебную литературу, стремясь по внешнему виду определить нужное ему издание. Улучив момент, когда в читальном зале остались два-три углубившихся в свои занятия студента, Ром схватил присмотренную книгу и ловко сунул ее за пазуху. Увы, когда с помощью апа он разобрался в ее заглавии, это оказалось учебное пособие для дипломантов. Пришлось начинать все сызнова, совершенствуя тактику, изобретая новые уловки и ухищрения. Наконец в его руках оказался начальный курс математики, и с превеликими трудами, на ощупь, как слепой, пересекающий без поводыря бесконечную улицу, он начал постигать азы чужого и чуждого себе языка.

« $\sqrt{324} = 18$ », – написал Ром, а в сознании его отозвалось: Уле 18 лет.

« $(a + b)^2 = a^2 + 2ab + b^2$ ». Ром плюс Ула в квадрате равняется Рому в квадрате плюс дважды Рому с Улой плюс Уле в

квадрате.

«Сумма квадратов катетов равнобедренного треугольника равна квадрату гипотенузы». Если нас с Улой перемножить на самих себя и сложить, должно получиться нечто целое и притом возвышенное...

– Чем ты занят, Ром, что за кабалистические знаки?

Ром вздрогнул и поднял голову. Бесшумно подошедший Вальдес испытующе разглядывал лежавший перед ним листок со столбиками чисел и латинских букв. Шестнадцать пар глаз с любопытством следили за происходящим, предвкушая развлечение.

– Я... я задумался и просто водил пером по бумаге.

– О чем же ты думал, если не секрет?

– Об агрохимии.

Класс прыснул. Вальдес тоже усмехнулся.

– Похвально. Однако, насколько я могу судить, из-под твоего пера появлялось что-то осмысленное. Уж не математика ли?

Ром виновато кивнул головой.

– Зачем она тебе?

Ром промолчал.

Вальдес отобрал у Рома листок, подошел к доске, стал мелом аккуратно переносить на нее математические символы. Затем отступил на шаг, картинно протянув руку к доске.

– Что это?

В классе задвигались, переговариваясь, кто-то хихикнул.

– Вам незнакомы эти знаки. И правильно, так и должно быть! – Профессор с силой подчеркнул последние слова. – Если вы станете забивать себе голову всякими посторонними вещами, в ней не останется места для сведений, которые вам насущно необходимы. Тот, кто хочет знать все, обречен быть недоучкой. Его ждут прозябание и презрение. Он растранжирит свой разум.

Вальдес обвел студентов глазами, вглядываясь в каждого, проверяя, насколько глубоко западают в их души его слова. Ему хотелось, чтобы им передалось ощущение оскорбленности, какое испытывал он сам при мысли, что молодой агр позволяет себе увлечься не своим занятием. Это был зачаток опасного бунта, и его надо было вырвать с корнем, очиститься от него, как очищают землю от сорняков. Классу передалось его состояние, он притих, насторожился.

– Что такое человек? – спросил Вальдес.

И сам ответил:

– Это профессия. Мы воспринимаем ее с материнским молоком, род занятий закодирован в наших генах. Отступить от своего дела – значит предать своих родичей, свой клан, оборвать ту нескончаемую нить, которая тянется из прошлого в будущее. А ведь из сплетения единичных семейных нитей образуется мощный канат, один из тех, на которых подвешено все здание нашей передовой технической культуры. Так и в природе: отсечете одну, другую ветви – ствол дерева ослабнет, не сможет нести на себе крону.

Вальдес всмотрелся в своих слушателей. Не было в их позах и выражении лиц того ответного тока мысли, который говорит о полном и безоговорочном согласии. Почему? Ах да, конечно, они выслушали только одну сторону, а молодость с присущим ей инстинктивным стремлением к справедливости, которое с годами, увы, сотрется, потускнеет от неизбежных сделок с совестью, требует честного поединка. Надо предоставить им возможность судить беспристрастно, иначе они останутся при своем сомнении.

Вот они поглядывают на своего товарища, хотят понять, что взбрело на ум Рому, почему он вдруг отважился отойти от канона, какой за этим умысел?

Ром испытывал смятение. Он не мог раскрыть им свою сокровенную тайну, поделиться чувством, с некоторых пор завладевшим всем его существом. Поступить так значило, помимо прочего, стать предметом насмешек и недовольств, навлечь на себя грозу и здесь, на факультете, и дома. Перед его глазами промелькнули лица близких людей: отец, мать, Гель, Сторти, Мет, Бен... Разве что один Сторти сможет понять... Остается слукавить.

– Ты согласен, Ром, что человек – это профессия?

– Да, конечно.

– Тогда к чему тебе все это? – Вальдес ткнул пальцем в знаки, начертанные на доске.

– Я подумал, что знание математики поможет мне лучше разбираться в агрономии. – Ухватившись за неожидан-

но пришедшую в голову спасительную мысль, Ром поторопился ее развить: – Разве у нас нет нужды подсчитывать собранный урожай и устанавливать объем потерь зерна? Вы сами, профессор, говорили, что, обрабатывая количественные данные о химическом составе почвы и атмосферы, мы получаем возможность с максимальной точностью определять, какие нужны минеральные добавки, сколько внести влаги, когда выгодней начать сев и уборку.

– Все так, все так. Но для этой цели существуют электронные вычислительные машины. Наше дело – передать техам информацию, правильно сформулировать задачу и получить от них искомое решение.

– А если машина ошибется?

– Это забота техов. – Вальдес не удержался съязвить: – Она будет ошибаться, если они вместо своих механизмов станут развлекаться агрономией.

– Но разве в обиходе можно обойтись без умения считать? – не унимался Ром.

– Нам достаточно таблицы умножения, которая входит в минимум знаний. Нет, Ром, твои доводы не выдерживают критики. Нынешнее разделение труда – плод длительной эволюции. Поколение за поколением искали самые рациональные и экономически выгодные его варианты, каждая деталь здесь продумана до мелочей, выточена и отшлифована с умом и изяществом. Зачем же мудрить? Разве ты лучше вспашешь землю, если будешь знать, как устроен автопflug?

Вальдес почувствовал, что нашел верный тон. Наконец все начинают склоняться на его сторону. Простые и ясные доводы во сто крат сильнее великих, но голых абстракций. Он особенно порадовался, когда ему на подмогу пришла Розалинда, слывшая самой способной на факультете и пользовавшаяся среди сверстников непререкаемым авторитетом. Все прочили блестящую карьеру этой красивой и напористой девушке с задатками жожака, умевшей всякий раз сказать именно то, что было у всех на уме.

– Знаешь, Ром, – сказала она, обращаясь к товарищу, – я даже рада, что состоялся такой разговор. Это урок для всех нас. Чего греха таить, кто не завидовал хоть раз матам или техам, или даже филам? Во всякой профессии есть своя привлекательная сторона. Надо побороть в себе эту проклятую любознательность и сосредоточиться на одном деле, а выбирать не приходится, выбор за нас сделали наши предки.

– Вот и я говорю, – неожиданно вылез со своей навязчивой идеей Метью, – что каждому агру надо немного быть филлом.

– А почему именно филлом? – спросил Бен.

– Я же тебе говорил, что сам не знаю.

Все рассмеялись. И опять, как тогда, на террасе, начали подтрунивать над Метом. Подключился к этому и сам Вальдес, полагая, что им нужна разрядка. Инцидент с математикой был исчерпан.

Ром был рад, что его оставили в покое. Его, правда,

несколько удивило, как благодушно Мет, в обычное время колючий и задиристый, принимает язвительные шуточки по своему адресу, и не только принимает, а как будто сознательно подкидывает для них новые поводы нелепыми, нарочито путаными суждениями. И уже потом, переживая заново весь этот неприятный для себя эпизод, Ром понял, что приятель пришел ему на выручку, взяв огонь на себя. Мет ведь догадывался, почему Ром увлекся математикой. А еще Рому пришло в голову, что простодушный Бен вовсе не из простоты душевной подхватил реплику Мета. Нет, он был явно несправедлив к своим друзьям.

3

Кого действительно следовало опасаться, так это Гея. Воистину в старину не без оснований говорили: брат мой – враг мой.

Братец не простил Рому своего унижения там, на берегу, и отомстил самым примитивным способом – наябедничал отцу и Сторти. Впрочем, Сторти мог узнать о случившемся на занятии по агрохимии и от самого Вальдеса. Во всяком случае, Сторти пока помалкивал, а вот с отцом пришлось объясняться на другой вечер.

Нельзя сказать, чтобы отношения Рома с родителем отличались особой нежностью. Отец его был человек сухой и замкнутый. К тому же, занимая видное положение в местной общине агров, он был всецело сосредоточен на многообразных общественных обязанностях и уделял ближним минимум своего драгоценного, расписанного едва ли не по минутам времени. При отсутствии близости между отцом и сыном существовало ничем не омраченное взаимопонимание, ровная и спокойная духовная связь.

Не зная, с чего начать, отец долго рассказывал Рому о своих служебных заботах и даже стал советоваться, как ему вести себя в некой щекотливой ситуации. Проявив таким образом необходимую деликатность, он стал затем спрашивать сына об учебе и новостях университетской жизни, пока

не подобрался к интересовавшему его предмету.

– Скажи, Ром, это правда, что ты увлекся математикой?

– Да, отец. Кто тебе доложил?

– Неважно. И виновата в этом девушка, которую вы встретили летом на берегу, не так ли?

Ром кивнул, дав себе слово при первом же подходящем случае отплатить Гелю за предательство.

– Она тебе понравилась?

Ром опять кивнул.

– Ты влюбился?

– Не знаю, отец.

– Да, конечно, никому это не ведомо, пока не приходится идти на жертвы ради своего чувства.

– Ты считаешь, что любовь – это готовность чем-то пожертвовать?

– По-моему, лучше не скажешь.

Ром с вызовом встретил обеспокоенный отцовский взгляд:

– Тогда признаюсь: я готов ради Улы на все.

Они вели беседу в саду, окружавшем со всех сторон семейный коттедж. Заботливо возвращенный руками нескольких поколений семейства Монтеки и поддерживаемый в образцовом порядке, сад содержал десятки видов гермеситской флоры, декоративных и плодоносящих. Ром обвел глазами этот благоухающий уголок, где каждое дерево, куст, цветок были знакомы ему до мельчайших, скрытых от посторонне-

го взора деталей. Вместе с отцом, матерью, Гелем он поил и кормил их, выхаживал от болезней, укрывал от редкого, но грозного в здешних краях града. Сад несравненно больше, чем дом, был для него обителью детства и юности, в нем он впервые осознал себя агрономом, художником природы, чье искусство способно извлечь из земли и плоды, насущные для жизни, и цветы, радующие своей красотой. Внезапно Рома обожгло предчувствие, что скоро ему придется расстаться с садом, что жизнь круто развернула его, толкая на путь риска и надежды.

Отец, долго искавший нужные слова, поднялся из шезлонга, подошел к Рому, положил руку ему на плечо.

– Подумай, сынок, ты вступаешь на рискованный путь. – Истолковав улыбку сына как мальчишеское нежелание прислушаться к доводам разума, он продолжал настойчиво: – Да, да, не смейся, ты даже не представляешь, сколь трагичны могут быть последствия твоего увлечения.

– Сердцу не прикажешь, – буркнул Ром.

– Вели себе забыть ее, выкинь из головы. Я знаю: для тебя пришла пора любви, но разве трудно найти спутницу жизни среди многих миллионов девушек нашего клана, близких тебе по профессии, по духу?

– Я уже сделал выбор, – просто сказал Ром.

– Оставь, это все блажь! – возразил отец, раздражаясь. – Отдай себе отчет, наконец, что человек не волен распоряжаться собой, как ему вздумается, он обязан соблюдать тра-

дицию. Уже пятьсот лет никто из нашего клана не женился и не вышел замуж на стороне. Мы, агры, не просто социальный слой. Мы – профессия. У нас свой, отличный от других язык, свои нравы и обычаи. Что случится, если люди начнут перемешиваться? Не станет хороших знатоков своего дела, все придет в упадок и запустение. Ведь мастерство, сноровка, умение, все то, без чего труд и не в радость, и не в пользу, передаются не столько в вашем университете, сколько в семье, от отца к сыну. Только так можно сберечь их, не расплескать, копить и шлифовать дальше.

– А что было раньше? – спросил Ром.

– Когда раньше?

– Ну, пятьсот лет назад.

– Не могу сказать тебе точно, я ведь не ист. Кажется, тогда было иначе. Какое это имеет значение? Кстати, именно поэтому род людской не развивался достаточно быстро, ему угрожало вырождение. Профессиональный клан дал мощное ускорение прогресса.

– Может быть, ты и прав, – сказал Ром задумчиво.

– Конечно же! – воскликнул отец с ноткой удовлетворения. – Не сомневался, что ты разберешься во всем этом, ты у меня умница. – И потрепал сына по щеке. Рому была приятна эта непривычная ласка. Он впервые видел своего родителя по-настоящему взволнованным, и ему очень не хотелось его огорчать. Но он не смог удержаться от реплики:

– Видишь, если б ты хоть немного знал историю, то смог

бы привести дополнительные доводы во славу кланов.

– Твоя ирония неуместна, – сухо сказал отец, возвращаясь в обычное для себя состояние. – Если бы я лучше знал историю, я бы хуже знал агрономию... Что ж, я пытался тебя вразумить, теперь же вынужден просто воспользоваться родительской властью. Я запрещаю тебе, слышишь, запрещаю заниматься математикой и встречаться с этой матой. – В голосе его прозвучала откровенная неприязнь к чужачке, которая грозит навлечь беду на сына.

– На этот счет можешь не беспокоиться, – так же сухо ответил Ром. – Она сама не желает со мной встречаться.

– И отлично, видно, у нее побольше разума и чувства ответственности.

Отец с сыном, крайне недовольные друг другом, насупились, избегая встречаться взглядами. Тут как нельзя более кстати в сад ввалился Сторти, заполнив собой добрую половину свободного пространства. Со своей обычной бесцеремонностью он сперва плюхнулся в кресло, а затем уже спросил:

– Надеюсь, я не помешал? – И, не ожидая ответа, пустился в рассуждения: – Смотрю я на вас и думаю о вреде родственных отношений. Посторонние люди поспорят, поругаются и разойдутся, все на том кончилось. Что мне, в конце концов, до него, в следующий раз я с ним и разговаривать не стану, за милую обойду. А тут ведь никуда не денешься, хочешь не хочешь, надо сосуществовать. И обида острее. От

чужого я не жду особого сочувствия и пощады, если что не так брякну. От своего всякое возражение уже принимаю за предательство: как мог он, которого я люблю, так низко и неделикатно со мной обойтись!

Выслушав эту тираду, Ром уже не сомневался, что Сторти с отцом сговорились взяться за него вдвоем, и то, что наставник явился с опозданием, тоже, очевидно, было заранее условлено. Сейчас навалятся, подумал он с раздражением, начнут поучать, как надо жить, да почему следует блюсти традицию, да на чем Гермес держится... Бежать бы отсюда куда глаза глядят!

– А ячменкой у вас гостей потчуют? – спросил Сторти. – Очень уж жарко.

– Даже непрощеных, – ответил отец и крикнул в дом, чтобы приготовили напиток. В саду появилось механическое существо, смахивающее на кухонный шкаф. Лихо подкатив к ним на маленьких колесиках, робот с помощью пластиковых рук извлек из своего чрева кружку с ячменкой и поставил ее перед Сторти. У того вытянулась физиономия.

– Я-то надеялся отведать нектара, изготовленного искусницей Монтекки, – сказал он со вздохом.

– Жена сейчас в отъезде, у них какие-то нелады на селекционной станции.

– Ничего не поделаешь, придется глотать это варево.

– Напиток изготовлен из лучших сортов ячменя и по самой передовой технологии, – заявил робот с достоинством.

Голос у него был звучный, как у диктора.

– Знаем мы вашу технологию, – проворчал Сторти.

– Вы сначала попробуйте, – вежливо отпарировал робот. –

Нельзя же судить заранее.

– Логично. Беру свои слова назад и прошу извинения. –

Сторти привстал и сделал шутливый полупоклон.

Робот принял это как должное.

– Не сомневаюсь, – невозмутимо заявил он, – что напиток придется вам по вкусу. – И, откатившись, исчез из виду так же внезапно, как появился.

Эта сценка несколько разрядила обстановку, что и входило в расчеты Сторти. Отхлебнув ячменки, он приступил к делу.

– Судя по сердитому выражению вашего лица, Монтекки, у вас есть какие-то претензии к моему воспитаннику. Не сочтете ли возможным ввести меня в курс событий?

– А я полагаю, вам по долгу службы следовало бы первому знать, что происходит с моим сыном, – отрезал отец.

Кровь бросилась в лицо Рому, он вскочил.

– Зачем ломать комедию, я ведь давно догадался, что вы сговорились. По горло сыт вашими поучениями, можете заниматься этим без меня!

– Не впадай в истерику, – холодно сказал отец, а Сторти цепко ухватил Рома за плечо и усадил на место.

– Что ты, дружок, какой заговор, клянусь, ты ошибаешься.

Он откашлялся, выразительным жестом дал оценку по-

варскому искусству работа и продолжал:

– Не скрою, до меня дошли некоторые слухи о твоём неожиданном увлечении математикой и о его, скажем так, побудительном стимуле. Но я не вижу во всем этом ровно ничего предосудительного.

– То есть как, – спросил отец с нескрываемым удивлением, – вы хотите сказать, что подобная нелепость в порядке вещей?

– Именно так я выразился.

Старший Монтеки побелел от злости; казалось, вот-вот его хватит удар. Ром испугался за отца и на секунду ощутил даже неприязнь к Сторти, который между тем продолжал как ни в чем не бывало излагать свою точку зрения. Говорил он громко и внятно, как бы желая подчеркнуть, что это не какие-то случайно пришедшие в голову мысли, от которых можно и отступить, а глубоко продуманное и годами выношенное убеждение.

– Я вообще полагаю, олдермен, – отец Рома входил в совет старейшин общины агров, – что успех благословенной клановой системы основывается на её добровольности. Мы становимся аграми не потому, что так повелели наши предки, а потому, что каждый из нас с детства влюбляется в свою профессию. Также и люди других кланов. Ром любит землю и никогда ей не изменит, за это я готов поручиться. Вы можете себя поздравить с тем, что сумели дать сыновьям классическое воспитание. Чего говорить, ваше маленькое семейное

чудо, – Сторти обвел рукой сад, – вот где заложено пристрастие Рома и Геля к нашей профессии.

Польщенный Монтекки смягчился.

– Так и я думал до недавнего времени.

– И были правы, – подхватил Сторти. – Верно, Ром, ты не собираешься изменять нашему делу?

– Никогда!

– Ну вот и отлично. – Сторти хитро взглянул на него своими маленькими глазками. – Пусть уж Ула переучивается. Когда гермеситы вступают в брак, женщина оставляет свою семью и входит в дом мужа. Не так ли должно быть, коль скоро вы из разных кланов?

Сторти задел больное место в душе Рома. Его мужская гордость восставала при мысли, что это он рвется навстречу мате, не питая надежды на взаимность.

– Как ты считаешь, способна Ула на такой подвиг? Если нет – она тебя не стоит.

– Позвольте... – начал было Монтекки, но Сторти перебил его:

– Ром, будь другом, посмотри, нет ли у вас в холодильнике стандартной баночной ячменки. Заодно поколоти вашего робота: более гнусного пойла я в жизни не пробовал. – С гримасой отвращения он выплеснул из кружки на грядку с редисом остатки напитка. – Надеюсь, редис не погибнет от этой отравы.

Ром взял кружку и пошел в дом, догадываясь, что Стор-

ти таким способом отсылает его, чтобы посеCRETничать с отцом. Он не успел исчезнуть в дверях, как тот набросился на Сторти:

– Ваше поведение возмутительно! Неужели вы не понимаете, что эта мальчишеская страсть может погубить всю его жизнь? И вместо того чтобы помочь мне остановить Рома, вы своими дурацкими рассуждениями только поощряете его на новые безумства!

– Тише, олдермен, не то он нас услышит. Теперь разрешите мне сказать, что вы никогда ничего не понимали в своих сыновьях, даже не пытались понять. Что вы знаете о Роме? Только то, что он добрый и умный юноша, послушный сын, способный студент? А ведь это – тонкая мечтательная натура, характер сложный и своенравный. Вам, например, приходило в голову, что Ром сочетает в себе такие, казалось бы, несовместимые черты, как сентиментальную расслабленность и буйство нрава, что он, застенчивый и молчаливый в кругу сверстников, меньше всего претендующий на роль вожака, при встрече с опасностью рвется вперед, что он свирепеет и может наделать глупостей всякий раз, когда, по его мнению, совершается несправедливость?

– Конечно, я догадывался...

– Оставьте, – грубо оборвал его Сторти, – ничего вы не догадывались. Силой от него ничего не добьешься, здесь нужен деликатный подход. И я как раз его нашел, – заявил наставник самодовольно.

– Я не против деликатности, – возразил Монтекки, несколько растерянный этим наступлением, – но как бы она не привела к обратным результатам. Вот вы задели его мужское достоинство...

– Заметили, как он покраснел?

– Да, видимо, его самого мучает эта мысль. Но представьте, если эта Ула, черт бы ее побрал, в самом деле кинется ему в объятия, что останется нам с вами – соглашаться на их союз? Вы понимаете, какой это вселенский скандал. Вот уже пятьсот лет...

– Глупости, никогда, ни при каких обстоятельствах мата не опустится до того, чтобы влюбиться в агра, да еще изменить своей профессии. Ром будет биться головой об стену, будет страдать, а потом клановая гордость возьмет свое, он отвернется от нее и утешится с какой-нибудь симпатичной агрянкой. Кстати, у меня есть на примете одна такая, совершенство во всех отношениях. – Сторти поднял большой палец и причмокнул своими толстыми губами. – Я пораскину мозгами, как их свести.

Монтекки кивнул, как бы говоря: «Вот это другой разговор». Сторти воодушевился.

– Доверьтесь мне, я знаю, как взяться за дело. А вам мой добрый совет: не торопите событий, позвольте им идти своим чередом, все уладится само собой.

– Если бы так! – сказал полуубежденный Монтекки. – Если бы так! И все же, раз Ром мог увлечься Улой, почему она

не может увлечься им? Ведь он парень что надо, – добавил он с гордостью.

– Конечно, – улыбнулся Сторти, – и будь я этой самой Улой, ни минуту не задумываясь, втюрился бы в вашего сына. Однако не забывайте, что она мата, а люди этого клана большие задавалы, они ставят себя выше всех прочих.

– Без всяких на то оснований! – возмутился Монтекки.

– Разумеется. Но в данном случае это нам с вами на руку... Где ты пропадал так долго, бездельник? – вскричал он, завидев появившегося на веранде Рома. – У твоего наставника горло пересохло!

4

– Ах, Ула, Ула, – укоризненно сказала мать, – опять ты не сдала зачета. Без конца вертишься перед зеркалом. Боюсь, Пер слишком вскружил тебе голову.

– Вот уж ерунда, – фыркнула Ула. – Я невысокого мнения о его умственных способностях.

Мать уставилась на нее с подозрением.

– Тогда кто-то другой. Не увлекайся, девочка. Ты не должна забывать, что Пер – твой нареченный. Он способный юноша. Чутьочку шалопай, правда, но с годами это проходит.

– Что ж, прикажешь ждать, пока этот шалопай, которого вы без моего согласия нарекли мне в женихи, возьмется за ум?

– Мы не могли с тобой советоваться, тебе тогда исполнилось два года. Прекрасно знаешь, что такова традиция. Конечно, никто не будет вас неволить, но Пер – хорошая для тебя партия. Он происходит из старинного профессионального рода, выдвинувшего плеяду знаменитых математиков.

– Мне жить не с плеядой.

– Очень уж ты строптивая. – Мать обняла дочь за плечи и усадила рядом с собой. В просторной, с изыском обставленной гостиной им было покойно и уютно. Хрустальная люстра бросала цветные блики на портреты знатных предков Улы, последним в ряду был ее дед, прославившийся откры-

тием суперисчисления. На телеэкране, занимавшем полстены, шла хроника гермеситской жизни, мелькали, сопровождаемые хвалебным комментарием, новинки робототехники, бытовые приборы, домашняя утварь, модная одежда и кулинарные рецепты. Приглушенный звук не мешал беседовать.

– Давай поговорим серьезно, Ула. Ты знаешь, что в отличие от отца я не любительница читать нотации...

– Только этим и занимаешься.

– Придержи язычок. Я по-матерински предостерегаю тебя. Ты хороша собой...

– Не просто хороша, а красива. Так твердит твой Пер.

– Тем более надо беречь свое достоинство. Дурнушке опасаться нечего, если она и оступится – никто не поверит. Злословье липнет к таким, как ты. А вокруг тебя, я давно заметила, вьется рой ухажеров.

– Фи, как ты вульгарно выражаешься, ма. Не ухажеров, а поклонников.

– Ладно, поклонников.

– Еще точнее – обожателей.

– Так вот, будь с ними осторожна, не давай повода для сплетен.

– Примерно в таких же выражениях поучал меня отец. Только он добавил: не запятой славный род Капулетти. Можете не беспокоиться, не такая уж я дура. И замуж выйду за вашего любимчика Пера. Сказать тебе честно, мне вообще все равно, за кого выходить. Все они в нашей компании на

одно лицо – самовлюбленные, холеные, как пироги слоеные.

– При чем тут пироги?

– Слоеный пирог возьмешь в руки, он и рассыпается.

Мать покачала головой.

– Ты у нас с детства любила мудрствовать.

– Ничего не поделаешь, вы же меня объявили вундеркиндом, вот я и напрягла свой умишко. От меня все вечно ждали какой-нибудь выдумки, чтобы можно было восхититься: ах-ах, какая девочка, вы только послушайте, что она говорит.

– Ты и была вундеркиндом. В шесть лет решала уравнения, как орешки щелкала. А в пятнадцать дед ухитрился втолковать тебе свое суперисчисление, которое и взрослым-то нелегко уразуметь.

– Видишь, а ты сетуешь, что я не сдала зачета.

– Так то было в детстве, теперь ты, признайся, ходишь в середнячках. Впрочем, не всем Капулетти быть гениями. Я хочу, чтобы ты разумно устроила свое будущее. И Тибор будет рад, он души не чаёт в Пере.

– Сделаем приятное и моему братику, чего нам стоит! – с ехидством сказала Ула. Мать погрозила ей пальцем.

В наступившей тишине четко прозвучало очередное сообщение телекомментатора. Он рассказывал о достижениях экспериментальной агролаборатории в Северном нагорье. Впервые удалось вырастить в этом суровом климате, в зоне мерзлоты теплолюбивые маки. Камера показала горный склон, усеянный нежными пурпурными цветками с черны-

ми крапинками. Это пламенеющее колышущееся полотно эффектно контрастировало с убеленными снегом вершинами, видневшимися на заднем плане. Благодаря скраденному расстоянию красное и белое, символы полярных ликів природы, мирно соседствовали на экране, создавая ощущение внутренне напряженной гармонии.

– Как ты думаешь, мама, – неожиданно спросила Ула, – может мата полюбить агра?

– Безумная мысль! Почему она пришла тебе в голову? – Мать пытливо заглянула в глаза дочери.

– Сама не знаю. Эти маки так восхитительны!

– Даже не знаю, что тебе сказать. Агры тоже, конечно, люди, но между нами пропасть. О чем ты могла бы говорить с агро, как объясняться в любви – с помощью апа?

– Я не о себе, мама.

– Разумеется. Ты спросила, я и рассуждаю. Кроме того, есть ведь и такое понятие, как профессиональная гордость. Мы, Капулетти, никогда не были снобами, но не забывай, что матам сама природа судила быть первыми среди равных. Мы делаем самое важное, на что никакой другой клан неспособен. Пятьсот лет...

Ула взглянула на экран. Маки исчезли, теперь там мчались всадники, и все они, стройные, широкоплечие, с широкими скулами и синими глазами, походили на Рома. Она встряхнула головой, отгоняя наваждение.

– Ладно, мама, забудь об этом.

Из передней донеслось хлопанье дверей, громкие голоса, в комнату шумно ввалился Тибор с приятелями.

– Послушай, сестренка, – закричал он с порога, – Пер не может без тебя и дня прожить. У нас была блестящая перспектива на вечер. Но этот влюбленный красавчик до того надоел своим нытьем, что пришлось воротиться. Приголубь его, не то он совсем раскиснет!

– Что за лексикон, Тибор! – возмутилась мать.

– Прошу прощения, синьора Капулетти, это все пагубное влияние улицы. – Он сделал шутовской поклон, а затем подхватил мать на руки и стал кружиться по гостиной, не обращая внимания на ее протесты. Все привыкли к сумасбродствам Тибора. Ула скомандовала роботам подать ужин, и началось веселое застолье.

Пер глаз не сводил с Улы и был окрылен тем, что на этот раз она держала себя с ним не с обычным своим капризным кокетством, а отзывчиво и ласково. За полночь разгоряченные молодые люди отправились гулять в соседний парк. Тибор заявил, что он не намерен терять даром оставшееся до утра время, и торжественно поручил Перу проводить сестру домой. Они долго ходили по пустынным аллеям, опавшие листья шуршали под ногами, в лунном свете лицо Пера приобрело особую одухотворенность, он вдохновенно говорил о своих чувствах, Ула была заморожена его изящными и отточенными формулами; повинувшись порыву, она поцеловала своего нареченного.

А потом, когда после долгого прощания у подъезда Пер ушел, из темноты навстречу ей шагнул Ром. Ула не видела его лица, но сразу узнала по фигуре.

– А, это ты, – сказала она устало, не удивляясь, словно ждала этого позднего посещения.

Заверещал ап, и сердце Рома дрогнуло. Тысячу раз на протяжении томительного караула у ее дома он переворачивал на губах те единственно верные слова, которые должен был сказать Уле. Не надеясь встретить мгновенный отклик, он и не ждал такого холодного безразличия. А тут еще проклятие разноязычности. Ром совсем растерялся.

– Я проходил мимо твоего дома... – начал он неуклюже.

– И решил заглянуть на огонек, – закончила она за него звительно. – Ты всегда прогуливаешься в нашем районе в предрассветный час?

Ром вспыхнул от стыда.

– Ладно, – сказал он грубо, – не задавайся. Конечно, я

здесь не случайно. Мне хотелось с тобой поговорить.

– О чем?

– Обо всем на свете.

– Что ж, говори, я слушаю.

– Как-нибудь в другой раз. Уже поздно.

– Вот именно. Ты давно сторожишь меня?

Он кивнул.

– И видел, как мы выходили?

– Да. Кто эти парни?

– Мой брат Тибор и его приятели.

– А тот развязный херувим?

– Не смей отзываться так о моих друзьях!

– Извини.

– Его зовут Пер.

– Пер, – повторил Ром, – и имя у него приторно-красивое.

Мне он не понравился.

Она надменно усмехнулась.

– Важно, что он нравится мне.

– Это невозможно, – возразил Ром нарочито безапелляционным тоном. – Такая девушка, как ты, не может быть благосклонна к этому лощеному субъекту. – Не отдавая себе отчета, он пытался вывести ее из состояния оскорбительного равнодушия. И достиг цели. Улу передернуло. Она шагнула вперед, так что они оказались лицом к лицу, и, в упор глядя на него злыми глазами, выговорила звенящим от напряжения голосом:

– Уж не ты ли будешь указывать, с кем мне водиться?

– Я! – ответил Ром и прикоснулся губами к ее губам. В тот же миг Ула с силой ударила его по щеке. Переполненная негодованием, она секунду искала слова, чтобы ущемить его побольнее, и нашла их:

– Наглый агр!

Ром и бровью не повел. Он улыбался. Тогда Ула еще раз его ударила.

– Уходи отсюда и не смей преследовать меня!

Ром отрицательно покачал головой.

– Я расскажу Тибору, и тебе не поздоровится.

Он пожал плечами.

Ула ударила его в третий раз.

Ром продолжал улыбаться.

Плача от бессилия и досады, она повернулась и пошла к дому. И опять Ром испытал то ощущение невозвратимой потери, с каким глядел ей вслед в бухточке.

– Еще секунду. – Надлом, прозвучавший в его голосе, заставил ее остановиться.

– Слушай, Ула, я несколько раз объясниться... что-то понимание... жизнь в переломе... Меня ослепили... Могу не без тебя...

Ей стало страшно от этого бессвязного лепета. Страшно и безумно жаль его. Уж не свихнулся ли окончательно этот странный парень, и не она ли тому виной? Кляня себя за бессердечие, Ула пыталась вникнуть в смысл этого бреда, если в

нем вообще был какой-то смысл. И вдруг осознала, что происходит: ап молчал, Ром изъяснялся на ее родном языке.

Это открытие безмерно ее поразило. Ула ощутила, как волна сочувствия, сострадания, симпатии заливает все ее существо. А Ром, исчерпав запас выученных им формул, повторял самую важную, венчающую его признание:

– Люблю тебя! Люблю тебя! Люблю тебя!

Ула не могла выговорить ни слова из-за душивших ее слез. Она взяла Рома за руку и его ладонью ударила себя по щеке так сильно, как только смогла. Ром, застигнутый врасплох, не сумел помешать ей. Он отдернул руку, приложил ладонь к сердцу и замер, потрясенный.

А Улы уже не было. Скрипнули двери, в последний раз мелькнуло ее белое платье.

«Какой смешной, – думала Ула, пробираясь в свою комнату, – он выучил формулы, которые каждый мат знает с годовалого возраста!»

«Как хорошо жить на свете, – думал Ром, – и какая это замечательная штука – знать математику!»

5

Нет у гермеситов более излюбленного занятия, чем следить за буйной игрой в мотокегли. Она изобилует неожиданными перепадами и создает возможности для хитроумных тактических маневров. Зрители здесь не просто заинтересованные наблюдатели, они могут непосредственно влиять на ход поединка. А если к тому же состязаются команды разных кланов, то на трибунах кипят гомерические страсти.

Представьте покрытую асфальтом площадку размером с футбольное поле, по которой на мотоконыхках со скоростью до 50 километров в час носится двадцать спортсменов – по десять с каждой стороны. Вдоль кромки тянется невысокий барьер с отверстиями – по числу кресел на трибунах – для запуска небольших мячей, похожих на теннисные. В подлокотник каждого кресла вмонтирована кнопка: нажав на нее, зритель приводит в действие автомат, выстреливающий мяч на площадку, причем ему дается право сделать это только один раз. Мячи летят снизу вверх, их траектория рассчитана так, что, не встретив препятствия, они приземляются в нейтральном круге, очерченном в центре поля, после чего считаются выбывшими из дела. Задача игроков состоит в том, чтобы подхватить мяч на лету, донести его до стороны соперника и со штрафной черты метнуть в расставленную на расстоянии полутора десятков метров кегельную фигуру. На

огромных демонстрационных щитах ведется счет выбитым каждой командой кеглям. Правила запрещают подножки, но в остальном не препятствуют силовой борьбе: игроки могут отнимать у соперников мячи и толкать их корпусом в момент броска. Во избежание увечий они одеты в комбинезоны из синтетической губки и такие же шлемы.

Что еще? Самое важное в мотокеглях – это взаимодействие игроков с их поклонниками на трибунах, от сообразительности и сноровки которых в немалой мере зависит исход схватки. Зритель должен уловить момент для запуска своего единственного мяча, когда рядом «свои» и нет «чужих». Опытные болельщики виртуозно исполняют эту важную операцию, беря во внимание всю игровую обстановку. У них устанавливается даже некоторого рода телепатическая связь со своими любимцами, которые оказываются в нужный момент в нужном месте. В этом вся соль игры, а впрочем, как считают некоторые, и самой жизни.

Задолго до универсиады команда агров истово тренировалась на своем загородном стадионе. Был здесь и Ром, хотя числился в запасных и до последней минуты не знал, выпустит ли его тренер на площадку. Здесь же безотлучно пребывал и Сторти, надоедавший своими советами и бесконечными рассказами о том, как двадцать лет назад благодаря его подвигам агры в первый и последний раз завоевали университетский кубок. Это был звездный час спортивной карьеры наставника. Похвальбу Сторти воспринимали с недоверием

и шуточками, он отнимал у команды уйму времени. Но его чудачества и неизменный оптимизм помогли разрядиться после утомительных упражнений, поддерживать в коллективе атмосферу бодрости и азарта. Сторти, как незаурядный знаток клановой психологии, был допущен даже к заседаниям тренерского совета, правда, с совещательным голосом.

Аграм удалось выйти в финал, где их противником должна была стать грозная команда матов, многие годы не знавшая поражений. Как сложится обстановка на трибунах – здесь оставалось много неизвестного. Матов, без сомнения, будут поддерживать родственные им физы и, с меньшей вероятностью, техи и юры. Химы, те наверняка на нашей стороне. Не совсем ясно с билами: в душе они симпатизируют аграм, однако положение в турнирной таблице обязывает их желать победы матам. Что касается филов и истов, то угадать, кому станет подыгрывать эта публика, почти невозможно – у них нет твердых принципов, и они болеют, как правило, за тех, кто им больше понравится на площадке.

– Впрочем, – авторитетно рассуждал Сторти, – есть-таки одна зацепка. Я имею в виду инстинктивную настороженность истов и филов в отношении матов, которых они считают чересчур амбициозными, склонными нарушать клановое равновесие и узурпировать особые привилегии. На этом можно сыграть. Если совет мне доверит, я берусь потолковать со своими коллегами на историческом и философском факультетах, убедить их стать на нашу сторону или, на худой

конец, придерживаться нейтралитета.

После недолгой дискуссии наставник получил благословение и отправился исполнять свою деликатную дипломатическую миссию. Его напутствовали предостережением проявить предельную осторожность, ибо за предварительную обработку зрителей команду могли и дисквалифицировать.

Ром тренировался прилежно, но без особого подъема. Мысли его витали в заоблачных высях, он жил сладостными воспоминаниями о своем последнем свидании с Улой и предвкушением грядущих радостей любви. Впрочем, никто, кроме Метью, не заметил происшедшей в нем перемены, а Мет, как и Сторти, ничем не выдал своих догадок.

Однажды, правда, случилось так, что новое умонастроение Рома прорвалось наружу неожиданно для него самого. Вечером они как обычно собрались в просторной комнате отдыха, где занимались кто чем. В отсутствие Сторти компания не клеилась, пока кто-то не завел разговор о том, что неотступно было у всех на уме, – предстоящем спортивном поединке. Начали перебирать игроков соперничающей команды: у кого какая скорость, кто искусен в перехвате мяча, а кто в вышибании кеглей, кого надо особенно опасаться. Затем стали судачить о склонности мотокеглистов-матов к силовой борьбе, граничащей с грубостью и членовредительством. Наконец верзила Голем заявил, что все маты – сволочи и их можно привести в чувство, только действуя по принципу: зуб за зуб.

– При чем тут все маты? – вырвалось у Рома. – Если в команде собрались хамы, это не значит, что весь клан плох.

Наступило минутное молчание. Реплика Рома в накаленной агрошовинизмом атмосфере многим показалась вызывающей. У Голема на лбу задвигались мускулы, выдавая напряженное умственное усилие: принять ли слова Рома за неуместную шутку или объявить их изменой и подстрекательством к поражению, или, еще проще, дать ему по шее?

В конце концов Голем сказал угрожающим тоном:

– А я утверждаю, что все маты дрянь!

– А я не согласен, – спокойно возразил Ром.

Голем побагровел.

– Так на кой черт нам в команде агенты противника! – взревел он. – Ступай к своим возлюбленным матам, поклонись им в ножки. Может быть, они тебе в награду поручат мячи подбирать!

Тут уж Ром не выдержал, вскочил, готовый кинуться на обидчика с кулаками, хотя их весовые категории были явно несоразмерны. К счастью, вмешался Метью. Он сказал, что негоже затевать ссору перед ответственной игрой, их учат уважать другие кланы, хотя это, естественно, не должно противоречить здоровой спортивной злости. Тут примирительно загалдели другие, петухов, стоявших в бойцовской позе, развели, и все разбрелись по спальням.

Но осадок на душе у Рома остался. Как ни странно, он не столько негодовал на Голема, к которому вообще относил-

ся со снисходительным пренебрежением, сколько удивлялся самому себе, тем разнообразным сдвигам, которые породило в его сознании чувство к Уле. В нем шевельнулся страх: рушился прочный и обжитой мир привычных представлений, усвоенных с детства. На их место заступали другие, неясные еще ему до конца. Перекройка эта была одновременно интригующей и пугающей. Кто знает, куда она может его завести? Ром с усмешкой подумал о себе: я как ребенок, который тянется ручонками к незнакомому предмету, но готов в любую секунду отдернуть их и бежать в укрытие, к маминой юбке.

На следующий день объявился Сторти, с несколько помятой после бессонной ночи и обильных возлияний физиономией, но беспредельно довольный собой. Он подмигнул шумно приветствовавшей его команде и поспешно проследовал в кабинет тренера, как гонец, обязанный в первую очередь ознакомить всех с экстренным приказом главнокомандующего. Спустя десять минут он вышел оттуда с гордо поднятой головой, будто только что был награжден орденом. Дружно насевшим на него игрокам наставник заявил, что не имеет права разглашать результаты своей миссии. Однако из его прозрачных намеков через пять минут все поняли, что Сторти удалось заручиться твердым обещанием университетских общин филов и истов помогать аграм. Эта весть необычайно воодушевила команду; Голем, расчувствовавшись, даже сжал Рома в железных своих объятиях и шеп-

нул на ухо, что, если завтра маты будут повержены, он согласится не считать их сволочами.

И вот день настал. Под рев трибун две команды выкатились на поле и заняли места друг против друга. В своих цветастых пушистых костюмах мотокеглисты выглядели на редкость импозантно. Трибуны были заполнены до отказа – здесь присутствовали едва ли не все студенты Университета и, разумеется, родители игроков. В почетной ложе восседали ректор и прочее начальство. Девушки сияли улыбками и яркими туалетами, у многих в руках были букетики фиалок.

Игра началась в быстром темпе. Уже на первых секундах отличился Голем. Подхватив удачно выстреленный болельщиком мяч, он резкими поворотами своего мощного туловища разбросал соперников, на предельной скорости пролетел сквозь всю площадку, в последний момент ловко увернулся от защитника и точным броском выбил без остатка кегельную фигуру. Этот подвиг вызвал шквал аплодисментов, какая-то девица, под стать Голему по габаритам, кинула ему цветы. Гигант поднял их, подъехал к барьеру и послал даме своего сердца воздушный поцелуй. Пока он любезничал, ведущий игрок матов, которого Голем должен был опекать, спокойно перехватил пару мячей, прорвался к воротам агров и вывел свою команду вперед.

– Так всегда с этим самовлюбленным оболтусом! – выругался тренер и принялся неистово грозить Голему кулаком. Когда тот наконец обернулся и увидел, что происходит, он

с такой яростью рванул с места, что потерял равновесие и под хохот зрителей катился чуть ли не до противоположного барьера.

Игра шла с переменным успехом, но мастерство матов начало сказываться. Их команда напоминала великолепный механизм, в котором все слажено и выверено до мелочей. Особенно искусны они были в передаче мяча своим товарищам, занимавшим более выгодное положение для броска, да и били по кеглям куда точнее. Был ли этот глазомер следствием неустанных упражнений или происходил от врожденной склонности к точному расчету – оставалось загадкой. Во всяком случае, к концу второго тайма их преимущество стало подавляющим.

Правда, расสวิрепевший Голем чуть было не переломил ход борьбы. Окончательно махнув рукой на правила, он начал таранить соперников, нагнал на них страху и, воспользовавшись замешательством в их рядах, почти сравнял счет. Но кончилось это плачевно: после двух строгих предупреждений эдил удалил его с поля.

– Что ж, – со вздохом сказал тренер, – выходи, Ром, попытай счастья.

Прозвучало это так, как если б он сказал: «Иди, больше некому». Напутствуемый столь пренебрежительным образом. Ром выкатил на площадку в отвратительном настроении и вяло включился в игру.

Вдобавок судьба уготовила ему странное испытание. Под-

хватив мяч, Ром прибавил скорость и понесся к воротам матов, но путь ему преградил рослый и быстрый полузащитник вражеской команды. Ром попытался обойти его, тот разгадал маневр, и они сошлись. Оставалось вступить в силовую борьбу, он напряг мускулы и вдруг узнал в своем сопернике Тибора. «Ее брат!» – пронеслось в голове Рома. «Ну и что, не отдавать же ему мяч», – возразил он сам себе с раздражением. «Ее брат!» – повторил первый голос. «Наглый, самоуверенный мат!» – ответил второй. «Ее брат!» – «Вон он как усмехается, убежден, что возьмет верх!» – «Ее брат!!»...

Этот внутренний спор, длившийся долю секунды, парализовал его волю. Тибор вырвал у него мяч и, насмехаясь над тем, что он почел за испуг соперника, нарочито не спеша покатил вышибать кегли. На трибунах раздался свист: зрители не прощали трусости.

Кровь бросилась Рому в лицо. Горя от стыда, он круто развернулся и кинулся вдогонку, выжимая из мотоконышков всю прыть, на какую они были способны. Настигнув ничего не подозревавшего и уже забывшего о нем Тибора, он схватил его за плечи, развернул к себе лицом, вырвал мяч и напоследок сильно толкнул корпусом. Застигнутый врасплох, тот не удержался на ногах, перекатился несколько раз по бетону, с шумом ударился о барьер и остался лежать недвижимым. К нему заспешили врачи. Однако правила нарушены не были и эдил не остановил игру. Ром без препятствий добрался до цели и выбил свою первую фигуру.

Ему не рукоплескали. Как бывает в таких случаях, публика сочувствовала потерпевшему, который к тому же мужественно шел грудью на грудь, а был повержен нападением из-за спины.

Понурился, почти отказавшись от участия в игре, Ром медленно катил вдоль барьера. Случилось так, что хуже невозможно придумать. Он оскорбил Улу, изувечил ее брата, и все из-за каких-то треклятых кеглей. Вдобавок теперь его будут считать трусом.

До конца игры оставалось две минуты. Зрители начали подниматься с мест.

Неожиданно на весь стадион прозвенел девичий голос:
– Держи, Ром!

Он поднял голову и прямо над собой увидел Улу. Она вспрыгнула на сиденье, обеими руками указывая ему на летящий в воздухе мяч. Ром почувствовал, что у него вырастают крылья. В невероятном прыжке он достал мяч, ухитрился приземлиться на коньки и стремительно помчался вперед, делая зигзаги, чтобы уйти от преследователей. Его бросок решил исход матча.

Радостные, окружили Рома товарищи, Сторти тискал его в объятиях, Голем с десятков раз подбросил в воздух, даже суровый тренер ласково потрепал по затылку. Им торжественно вручили хрустальный кубок, а затем Рому, как поставившему победную точку, команда доверила право исполнить древний обряд: избрать королеву стадиона. Не сомневаясь,

что эта честь выпадет на долю одной из них, юные агрянки начали прихорашиваться.

Медленно двигался Ром вдоль барьера с венком из живых цветов в руках, вглядываясь в лица зрительниц. Вот он, ко всеобщему удивлению, миновал сектор, занятый аграми; там зашептались: может быть, не успел сделать выбор и пойдет на второй круг? Нет. Уверенно подкатив к одному из следующих секторов, он снял коньки, перепрыгивая через ступеньки, поднялся к месту, где сидела Ула, остановился перед ней и произнес традиционную формулу:

– Объявляю тебя, Ула Капулетти, королевой этого стадиона до следующих университетских игр!

Среди матов и агров царило смятение. Зрители из других кланов, не разобравшиеся в происходящем, бурно приветствовали новую королеву. Зазвучал гимн.

Стоя навытяжку, ректор схватился рукой за грудь.

– Что с тобой, дорогой? – спросила его жена. – Не прими-май близко к сердцу эти дурацкие мотокегли.

– Да понимаешь ли ты, что случилось! – возразил он трагическим тоном. – Впервые за пятьсот лет победитель избрал королевой девушку из чужого клана!

Профессор Чейз был самым молодым не только на своем математическом факультете, но и во всем университете. Иные звали его везунчиком, но крайне несправедливо. Происходя из семьи рядовых матов, не располагая ни знатными предками, ни связями, он пробился в люди благодаря своему упорству и фанатической преданности клану. Поговаривали, что ему уже уготовано кресло ректора, а сей престижный пост мог послужить трамплином для дальнейшего продвижения. Прекрасное доказательство того, что у гермеситов каждому дан шанс подняться наверх, были бы талант да желание работать.

– Сила нашей науки, – вразумлял он своих студентов, – то исключительное место, какое она занимает в пантеоне гермеситских знаний, предопределено ее универсальным характером. Например, задачи для простейшего уравнения гиперболического типа... – он быстро набросал на доске формулу:

...полученного для описания свободных колебаний однородной среды, оказываются применимы для описания широкого круга волновых процессов акустики, гидродинамики, многих других областей физики. Забегая вперед, скажу, что математические модели пригодны для проникновения в природу всех других форм движения материи – химиче-

ской, биологической и социальной, поскольку они позволяют учитывать и сопоставлять совокупность не только количественных, но и качественных признаков. Последние, с помощью установленных коэффициентов, переводятся на язык точных цифр и таким образом приобретают измеримость. Математика, друзья мои, это истинная королева наук, милостиво одаряющая своих подданных.

Сделав паузу, чтобы насладиться произведенным эффектом, Чейз продолжал:

– Вернемся, однако, к нашей сегодняшней теме. Речь идет об измерении отношения жизни заряженного Д-мезона к времени жизни нейтрального Д-мезона с целью определить силы, действующие на очарованность, и силы, действующие при изменении очарованности на странность...

Чейз заметил, что Ула не слушает его, устремив мечтательный взгляд в окно. Молодой профессор испытывал злорадное удовлетворение всякий раз, когда мог унижить этих счастливых, от рождения получающих все, чего простым смертным приходится добиваться каторжным трудом.

– А нашу королеву стадиона, – сказал он с издевкой, – видимо, не очень интересуется ничтожный предмет, о коем я трактую. Уж не очарована ли она странным агром, который ее увенчал?

Ула вспыхнула.

Довольный своим каламбуром, Чейз не унимался.

– Вот, пожалуй, единственный случай, не поддающийся

всесильной математической логике. Мата кидает мяч агру, сбившему с ног ее брата. Агр в ответ коронует ее. Задача из сферы иррациональных уравнений...

Ула выбежала из аудитории.

– Профессор, – поднялся Пер, – извините, но вы ведете себя возмутительно. Никто не давал вам права оскорблять людей. – И вышел за Улой. Еще несколько человек молча последовали за ним.

Чейз растерялся, почувствовав, что на сей раз перегнул палку. Разумней было бы не связываться с этими Капулетти: знатные роды цепко держатся друг за друга, у него могут быть неприятности. А впрочем, его не так просто выбить теперь из седла. Плевать он хотел на эту публику, которая держится на плаву только за счет своих предков. Ведь они до того обнаглели, что посягают на устои гермеситского общества! «Это им даром не пройдет, я такую подниму бучу!» – взбадривал и взвинчивал себя Чейз.

– А вы хорошо ее отделали, профессор, – прервал его размышления один из студентов. И сразу посыпались реплики:

– Так ей и надо!

– Нечего продавать своих!

– Будьте покойны, мы за вас горой станем!..

– Спасибо, друзья, – сказал растроганный Чейз. – Я не сомневался, что вы истинные маты. – К нему полностью вернулась обычная самоуверенность. – Мы сумеем защитить свой клан. А сейчас давайте продолжим...

Пер догнал Улу уже за университетской оградой и схватил ее за руку.

– Подожди, успокойся.

– Оставь меня! – Она вырвала свою руку.

– Не обращай внимания на этого выскочку, он ведь не может простить нам происхождения.

– Чейз опозорил меня. При всех сказать такое – да как он смел!

– Хамство, конечно, но где ему взять хорошие манеры? А скажи мне, зачем ты это сделала?

– Что именно?

– Ну, кинула мяч агру.

– Мне так захотелось.

– Назло Тибору? Он тебе чем-нибудь досадил?

– Ничего подобного.

«Женское своеобразие», – подумал многоопытный красавчик Пер.

– Ладно, ничего не бойся, – сказал он покровительственно, – скоро мы поженимся, и все забудется.

– Ты уверен? – спросила она с иронией, которой Пер не уловил.

– Еще бы! – воскликнул он с жаром. – Да кто посмеет подумать дурно о моей жене! Если такие найдутся, мы с Тибором живо приведем их в чувство.

– Я не о том. Ты уверен, что мы поженимся?

Он с удивлением взглянул на нее.

– То есть как?

– А так. Я ведь тебе не давала согласия.

– Опять капризы, – сказал он с раздражением. – Ладно, не ломайся. Ты еще в школе мне проходу не давала.

– Не скрою, ты мне нравился. Но теперь с этим кончено.

– Позволь, не далее как неделю назад в парке...

– Можешь не напоминать. Я говорю: кончено.

– Что ж, выходит, Чейз прав, и ты действительно очарована этим агрономом, как его звать, Ром, что ли?

– Это тебя не касается.

– Послушай, девочка, мне тебя жаль. Ты соображаешь, что делаешь? Агр и мата – хороша пара! – Он желчно рассмеялся.

Она повернулась и пошла.

– Опомнись, ты себя погубишь!

Ула не отозвалась. Тогда он забежал вперед и загородил ей дорогу.

– Извини за грубость. Ты знаешь, я избалован женским вниманием, от этого мое фанфаронство... Но я люблю тебя, никогда не сомневался, что мы с тобой рождены друг для друга. И тут вдруг – как обухом по голове.

– Переживешь, Пер, – сказала она мягко.

– Я убью себя!

– Переживешь. И утетишься. Остаешься моим другом, мне так нужна сейчас дружеская рука.

– Нет и нет. Мы обручены. Твои родители не позволят по-

ломать уговор. И Тибор... Если ты не образумишься, я всех натравлю на тебя!

– Не грози, – сказала она устало. – Мне и так страшно.

Эти слова поразили Пера. Он стоял опустошенный, растерянный и, когда Ула тронулась с места, не пытался больше ее остановить.

Мать встретила Улу неласково.

– А, королева явилась!

– Как Тибор? – спросила Ула.

– Лежит. Пойди полюбуйся, как твой агр отделал брата. Может быть, совесть у тебя, наконец, заговорит.

Ула, едва сдерживая слезы, прошла к Тибору. Вопреки ожиданию он неплохо выглядел и был в обычном для себя веселом настроении.

– Сестренка пришла проведать умирающего? А я, как видишь, в полном здравии.

– Правда, Тибор?

– Так, ерунда, остались синяки.

– И ты на меня не сердись?

– С чего ты взяла? Ну, порезвилась, подкинула мяч агр, за что и была коронована. Да я рад за тебя, и твой агр, видно, совсем неплохой парень.

– Тибор, – она прижалась щекой к его груди, – ты меня воскрешаешь!

– Честно говоря, я принял его за пентюха, а у него, оказывается, есть характер. Конечно, ты понимаешь, будь я на-

стороже, ему никогда бы со мной не сладить.

– Конечно, братец, ты самый сильный и ловкий игрок в Университете.

– Смеешься?

– Нет, я совершенно серьезно.

– А почему у тебя глаза заплаканы? – Он взял ее за подбородок, пытливо всматриваясь.

– Так... – Она отвернула лицо.

– Ну, ну, мне ты можешь признаться.

Ула расплакалась, и Тибор принялся ладонью вытирать с ее щек слезы, поглаживая другой рукой по спине. – Успокойся, ничего ведь страшного не случилось.

– Ты не представляешь, как он меня при всех...

– Кто он? Объясни толком.

– Профессор Чейз.

– А, этот выскочка... Что же Пер, неужто он за тебя не заступился?

Она достала платок, начала приводить себя в порядок.

– Не знаю, я убежала, и Пер догнал меня на улице. Он настаивал, чтобы мы скорей поженились.

– И правильно. Все пересуды на твой счет разом прекратятся.

– Тибор, – сказала она просительно, – не сердись, но я не могу выйти за него замуж.

– Как это? – Он приподнялся в кровати. – Что между вами произошло, поссорились?

– Ничего. Просто я его не люблю.

Он присвистнул.

– И давно ты это поняла?

Она кивнула.

– Послушай, Ула, не знаю, как мать с отцом, а я буду последний, кто станет тебя понуждать к этому браку. Я вообще нахожу идиотским обычаем с детства навязывать суженых. Слава богу, меня они не удосужились оженить по своей прихоти! Но мне всегда казалось, что он тебе нравится. Может быть, это простая размолвка? Помиритесь. Хочешь, я поговорю с ним по-мужски?

– Нет, Тибор, ничего не получится.

– Скажи мне честно, уж не влюбилась ли ты в кого другого?

Она промолчала.

– Ладно, не буду пытаться.

Ула с благодарностью подумала, что у ее буйного и взбалмошного брата, грубого в своем прямодушии, хватило такта не ворошить ее смятенные чувства. И тут же сделала еще одно открытие: у него хватило проницательности понять, что с ней происходит.

– В конце концов, найдешь другого, все мы примерно одинаковы, – философски заметил Тибор. – Единственное, что я тебе скажу: не забывай о своем клане, без него не проживешь. – И после небольшой паузы вдруг спросил: – А все-таки, почему ты подбросила ему мяч?

– Сама не знаю, затмение нашло... Хотя, может быть, из жалости. У него был такой растерянный вид, когда ты его атаковал.

– А-а... – протянул Тибор.

Раздался стук, дверь отворилась, на пороге появился Капулетти-старший.

– Привет, дети. Тибор, я заберу у тебя Улу, мне надо с ней поговорить.

В отцовском кабинете Ула забралась на мягкую широкую софу, поджав под себя ноги. Это было ее излюбленное местечко, в детстве она проводила здесь целые часы, листая популярные издания по математике и изредка поглядывая на отца, склонившегося над заваленным рукописями письменным столом. Время от времени он прерывал свое творчество, чтобы пофилософствовать с дочкой на отвлеченные темы. Ула мало что понимала, но ей нравилось чувствовать себя взрослой, и она важно кивала, как полагается солидному собеседнику. Мать, заставая их за этим занятием, выговаривала мужу, чтобы он не забивал ребенку голову всякой чепухой, а лучше бы преподавал ей элементарные правила поведения. Капулетти протестовал, доказывая, что детский ум – это чистая доска, на которой с самого начала следует записывать вечные истины: пусть они недоступны ей сейчас, зато когда-нибудь обязательно воскреснут в памяти и сослужат свою службу, а без такого фундамента математической культуры ничего путного из нее не выйдет. Он нервничал,

срывал и вновь водружал на нос гигантские роговые очки, но в конце концов махал рукой, усаживался за стол и через секунду забывал и Улу, и все на свете.

Ах, как давно минула эта безмятежная пора, как сложно стало жить!

Капулетти долго мялся, перебирал бумаги, а Ула, не желая помочь, бесстрастно следила за ним своими большими оранжевыми глазами. Только легкое дрожание век выдавало владевшее ею беспокойство.

– Видишь ли, девочка, в жизни бывают моменты... – начал он, запнулся и решил подойти с другого конца. – Я никогда не воспринимал тебя как несмышленища, которого надо учить жизни. Ты взрослая девушка и умница, ты поймешь.

И опять он растерялся, ощущая на себе ее пристальный сосредоточенный взгляд. Капулетти отвернулся и продолжал, уставившись в потолок:

– Словом, я просто передам тебе содержание разговора, который состоялся у меня сегодня с ректором...

Приветствие ректора сразу его насторожило.

– Проходите, Капулетти, всегда рад вам и очень сожалею, что на сей раз беседа у нас пойдет о неприятных вещах. – Он пригласил гостя сесть, нервно поправил галстук, взлохматил пятерней свои пышные седые волосы.

– Я хочу прежде всего знать, как вы сами оцениваете происшествие на стадионе?

– Что вы имеете в виду? – осведомился Капулетти.

– Вы прекрасно знаете, что я имею в виду – поведение вашей дочери и то, что за этим последовало.

– Я не нахожу в нем ничего предосудительного.

– Вот как? Более чем странно. Мата демонстративно отдает свой мяч юноше из другого клана, а тот всенародно увенчивает ее короной. И вы находите, что это в порядке вещей?

– Ну, может быть, несколько необычно, не более того.

– Поразительно! – Ректор всплеснул руками. – Неужели я должен разъяснять вам, почтенному человеку, что наше благосостояние покоится на системе профессиональных кланов?

– Мне это известно. Но мне известно также, что между кланами должно существовать полное равенство. И потом, почему мимолетный каприз своенравной девчонки (это место из своей беседы с ректором Капулетти со свойственной ему деликатностью отредактировал) должен потрясти нашу систему? Хороша она была бы, если б подобные пустяки могли нанести ей ущерб.

– В том-то и дело, что все начинается с пустяков! – воскликнул ректор. – Да поймите же вы: это не случайный эпизод, за ним стоит нечто серьезное. Впрочем, вам неизвестны некоторые факты, и мне следовало, конечно, сразу вас с ними ознакомить. Так вот, слушайте: профессор агрохимии Вальдес обнаружил, что этот агр, его зовут Ром Монтекки, штудировал азы математики. Видимо, ему удалось выкрасть учебник.

Капулетти побледнел.

– Вы хотите сказать...

– Делайте выводы сами. Он явно влюблен в вашу дочь и ищет способа с ней сблизиться. Ясно как дважды два, говоря вашим языком.

– Ну, это еще ничего не значит. Ула разумная девушка и настоящая мата, я за нее ручаюсь.

– Хотелось бы верить. Но ее поступок на стадионе говорит, что она не осталась равнодушной к ухаживаниям агра. Вы представляете, как это безумное увлечение может отразиться на ее судьбе? Впрочем, дело не только в ней и этом Монтеки. Будучи билом, я мог бы махнуть рукой, предоставив матам и аграм самим улаживать свои клановые междоусобицы. Но как ректор я обязан думать об опасных общественных последствиях этого небывалого в нашей истории инцидента. Вообразите, что произойдет, если, следуя их примеру, другие юноши и девушки начнут завязывать любовные отношения с партнерами из чужих кланов, да вдобавок возьмутся осваивать их языки, пренебрегая собственной профессией? Результатом может стать только деградация профессиональной культуры, застой производства, распад налаженного социального механизма, нравственное разложение, всеобщее одичание! Вот куда ведет ниточка от безобидного на первый взгляд... гм... контакта между матой и агрономом. – Потрясенный нарисованной им гнетущей картиной, ректор вновь взлохматил свою шевелюру. И поторопился вы-

ложить еще один пришедший на ум аргумент. – Понимаете, в течение пятисот лет аграм или билам, не говоря уж о матах, не приходило в голову, что можно искать себе пару вне своего клана. А раз появившись, такая мысль начнет неизбежно расплзаться. Дурной пример, как известно, заразителен.

Капулетти сидел окончательно подавленный.

– Что вы от меня хотите? – спросил он наконец.

– Примите меры, чтобы не допустить никакого общения вашей дочери с Ромом. Я, естественно, потребую того же от его отца. Он занимает видное место в общине агров – олдермен или нечто в этом роде. Не сомневаюсь, что Монтеки не меньше нас с вами заинтересован удержать сына от безрассудства, которое грозит испортить ему жизнь.

– Но как?

– Это уж ваше дело. Раскройте ей глаза, пристыдите, на худой конец посадите под замок. Да, помнится, у нее есть суженый – так ожените их без промедления.

– Я подумаю, – сказал Капулетти, поднимаясь.

– Думайте, только советую не терять времени. Любовь – это как раковая опухоль: она дает метастазы, пока не поразит весь организм.

Капулетти опустил заключительную фразу ректора. Он все еще смотрел в потолок.

– И что же ты надумал, папочка? – В ее голосе прозвучала насмешка.

– Может быть, тебе действительно выйти замуж за Пера?

– Я не люблю его.

Он пожал плечами.

– Стерпится – слюбится. Твоя мать тоже не слишком любила меня, когда мы поженились.

– Она и сейчас тебя не слишком любит.

– Ула!

– Извини, отец.

Капулетти подсел к дочери, обнял ее за плечи.

– Дай мне совет, скажи сама, как с тобой быть?

Ула улыбнулась, вспомнив старенького школьного врача: он всегда вежливо спрашивал своих пациентов, какое им прописать лекарство. А уж если они не знали, чем себя лечить, кое-как решал сам.

– Знаешь, папа, сажай меня сразу под замок.

– Ты шутишь.

– Нет, не шучу. Иначе вы меня не удержите. Я люблю روما.

– Опомнись, Ула! – сказал Капулетти, впервые за все время повышая голос.

– Да, да, – закричала она, разряжая всю накопившуюся за этот сумасшедший день обиду, – люблю назло твоему ректору, и тебе, и Перу, и Тибору, и всему нашему замечательному клану! Это вы заставляете меня любить его!

Олдермен Монтекки был в отвратительном настроении. Неприятности начались с самого утра, и казалось, им не будет конца. Он передержал на лице бритвенную губку, отчего кожа воспалилась и зудела. В гардеробе не оказалось чистой рубашки. Куда-то запропастилась запонка, и пришлось ползать в поисках ее по полу. Новые ботинки, которые он упрямо пытался разносить, саднили, и у него было предчувствие, что на большом пальце правой ноги назревает изрядная мозоль. Выходя в сад, он поскользнулся на мокрой после дождя ступеньке, упал и больно ушиб плечо. Тосты были явно пережарены, а когда он упрекнул робота за нерадивость, тот, вместо того чтобы признать вину, надерзил ему, проворчав: «На всех не угодишь!» Он пригрозил отдать робота на слом и услышал в ответ, что дело хозяйское, ему жизнь вовсе не дорога, а вот как они обойдутся без прислужника – еще неизвестно. И, поворочав своими электронными мозгами, ехидно добавил, что нынче цены на роботов подскочили вдвое.

В сердцах махнув рукой, Монтекки выскочил на улицу и зашагал обычным своим маршрутом в управу агров. Прогулка несколько отвлекла его от мрачных мыслей. Стояла ранняя весна; воздух был на той нечастой грани, когда уже не холодно, но еще не жарко; распускались почки на деревьях, гомонили птицы, ссорясь из-за уютных местечек на ветках,

чтобы их семейства могли с комфортом провести летний сезон; тонкий, еле уловимый аромат исходил от аккуратно высаженных вдоль улицы и только начавших цвести кустов черемухи. Монтекки подумал, что пару таких кустов нехудо бы высадить в своем саду. Пусть этим займутся Ром и Гель, ребята в последнее время обленились.

Вспомнив сыновей, он снова пришел в скверное состояние духа. Вчера олдермен пытался еще раз вразумить Рома, но из этого ничего не получилось. Парень замкнулся и с полнейшим безразличием воспринял отцовское предостережение. Дальше – хуже. Когда Монтекки спросил Рома, почему он решил отдать венок девушке из чужого клана, – Монтекки выяснил: это была некая Ула Капулетти, – Ром дерзко ответил, что он уже взрослый и не обязан отчитываться в своих поступках. Сдержавшись, отец высказал предположение, что Ром по-рыцарски вознаградил Улу за поданный ему мяч. Само по себе похвальное побуждение, но, если эта девица оказывает Рому знаки внимания или даже вешается на шею, ему следует быть осторожным. Получилось нехорошо, вокруг них разрастается сплетня, и, если не пресечь ее в зародыше, могут накрутить такое, что потом всю жизнь не отмоешься.

– Что именно? – спросил Ром.

– Что у вас роман.

– А почему бы и нет?

Кончилось тем, что Монтекки накричал на сына, пригро-

зил выгнать его из дома, и тот, хлопнув дверью, убежал. Вот и деликатничай после этого с детьми! Нет, здесь нужна твердая рука. Этот болтун Сторти только сбивает его с толку да водит за нос, обещая подсунуть Рому некую сногшибательную агрянку. Нельзя исключать даже, что наставник втайне потворствует их флирту. Человек он нестойкий, не случайно его чуть не выставили из Университета.

Несколько утешил Монтекки разговор с младшим сыном. Гель – настоящий агр, преданный своему клану, ему незнакомы романтические бредни. Он безоговорочно осудил метания брата и обещал отцу принять свои меры. Но что он может? Мальчишеская похвальба! Все равно приятно найти в сыне единомышленника. А ведь Монтекки, гордясь Ромом, всегда относился к младшему равнодушно, хотя и корил себя за это. Поди в них разберись!

Правда, и Гель смутил его, заявив, что еще куда ни шло, если б Ром перетянул свою пессию к аграм: пусть она предаст свой клан, а не наоборот. Эта идея явно внушена ему Сторти. Мальчик не понимает, что здесь речь не о том, какой клан перетянет – вызов брошен самой первооснове нашего порядка!

Монтекки остановился, обратив внимание на пшеничный колос, случайно взошедший по соседству с кустом черемухи. Видимо, кто-то обронил зерно; и оно проросло без помощи человека. Добрый признак, быть в нынешнем году хорошему урожаю. Он сорвал стебелек, бережно, чтобы не изломать,

уложил его в широкий нагрудный карман своей куртки: надо будет показать находку коллегам.

И опять Монтекки омрачился. В последние дни отношение к нему в управе явно изменилось. Внешне все обстояло как прежде, никто не заговаривал с ним о неприятном инциденте, не пытался расспрашивать. Но это как раз самое худшее. Лучше уж они прямо выложили бы свои потаенные мысли, засвидетельствовав тем самым, что ему по-прежнему доверяют, сочувствуют. Вместо этого он ощущал сухость и отчужденность, время от времени ловил на себе косые взгляды. Похоже, его готовы списать в расчет, не дав объясниться и оправдаться. Впрочем, может быть, все это ему только показалось? Он потерял уверенность в себе, стал мнительным. Увы, есть еще один зловещий признак – вот уже третий день шеф не приглашает его к себе, а ведь раньше чуть ли не каждый час звал советоваться или просто так, облегчить душу.

«Теперь меня отошлют на пенсию, – с горечью размышлял Монтекки, – в лучшем случае затолкнут куда-нибудь в захолустье, на захудалую агростанцию, где я буду погребен заживо. Не вспомнят при этом ни десятилетний беспорочного служения делу, ни заслуг перед общиной. А признаться честно, разве сам я поступил бы иначе, случись такое с кем-нибудь из сослуживцев? Нет, у меня не дрогнула бы рука подписать приговор своему ближнему. Что же плакаться, неси свой крест. Порядок должен быть один для всех. Сын за отца не отвечает, отец за сына всегда в ответе. Говорят, грехи

отцов падают на головы сыновей. Бывает, значит, и наоборот...»

Не менее мрачны были думы Капулетти. Он не мог взять в толк, почему судьбе понадобилось выбить его из привычной жизненной колеи, лишить драгоценного покоя. До сей поры все в жизни устраивалось само собой, без особых хлопот с его стороны. Получив в наследство все, что только может пожелать человек, – безукоризненную родословную, родительскую ласку, классическое воспитание, недюжинные способности, ранний успех, благополучную семью, дом и средства, чтобы жить, не заботясь о них, он мог всецело посвятить себя любимому занятию – игре с формулами. Сравнимо ли что-нибудь с наслаждением манипулировать неподатливыми символами, искать в хаотических сочетаниях букв и цифр сокрытый в них смысл, приводить в гармонию, чтобы, отгадав загадку, обнаружить за ней другую, еще более увлекательную. Находясь в своем доме или институтском кабинете, Капулетти чувствовал себя в бесконечной экспедиции, где приходится взбираться на непокоренные горные пики и опускаться с аквалангом в морские пучины, ползти по горячему песку пустынь и пробираться на ощупь в пещерных лабиринтах. Погружение в этот удивительный мир позволяло ему переживать самые острые и необычные ощущения, испытывать свою волю и отвагу, отчаянно рисковать, повергать коварного врага и проявлять великодушие.

И вот теперь его насильно отозвали из экспедиции, из-

влекли из сферы прекрасных абстракций, бывшей для него единственной конкретной формой бытия, кинули в омут обыденной жизни. «За что? Почему именно меня?!»

О чем я думаю, ужаснулся Капулетти. Какой чудовищный эгоизм, ведь на карте судьба моей дочери, моей милой, маленькой, ласковой Улы. Бедная девочка! Захваченная чувством, она потеряла жизненный ориентир. Сейчас на нее набросится всякая шваль, крикуны и демагоги, ни на что не способные и потому спекулирующие на своей преданности клану. В последнее время таких развелось хоть пруд пруди. Иные из них и суперисчисления не в состоянии толком уразуметь, а верховодят в общине матов, пристроившись на теплые местечки, – кто в управе, кто в различных комиссиях. Раньше было не так. Тогда считалось само собой разумеющимся, что клан должны направлять лучшие мозги, какими он располагает. Его отец, хоть и не очень рвался к власти, был единогласно избран лидером местной общины, лет двадцать представлял ее в сенате. Что-то нарушилось в нашей системе, все кричат о профессионализме, а профессионалов становится все меньше.

И опять Капулетти упрекнул себя за то, что сбивается на побочные темы. Сейчас он должен думать только об Уле, надо спасти ее от всех и от самой себя, пусть для этого придется прибегнуть к силе. Может быть, действительно посадить ее под замок, как рекомендовал ректор? Жена тоже настаивает любой ценой не позволить ей встречаться с этим юно-

шей. Но Тибор, пожалуй, прав, надо пощадить нашу Улу и взять в оборот агра. Капулетти с теплотой подумал о сыне, – в этой жизненной передрыге он нашел в нем надежную опору. Когда Тибор твердо и логично изложил ему свой план, он с ходу с ним согласился.

Ром... Что они знают о нем? Для жены нет вопроса: он агр, и этим все сказано. Но сам Капулетти испытывал к нему двойственное чувство: и естественную неприязнь, и какую-то странную симпатию – ведь парень полюбил Улу, ради нее готов принести в жертву самое дорогое – свою профессию. Само по себе это достойно уважения, говорит о цельности натуры. Но что нам до него! Можно ведь уважать и робота, пусть только знает свое место. Я не желаю ему зла, но он должен оставить в покое мою дочь.

Возбужденный овладевшей им решимостью и инстинктивно боясь, что порыв скоро иссякнет, Капулетти бросился к телекому и приказал немедленно соединить его с олдерменом Монтеки из общины агров. Через несколько секунд на экране появилось волевое скуластое лицо с тяжелым подбородком и плотно сжатыми губами. Прищуренные синие глаза смотрели настороженно. Лицо уверенного в себе человека, знающего, чего он хочет.

– Олдермен Монтеки?

Последовал утвердительный кивок.

– Я – профессор Капулетти из клана матов.

Опять безмолвный кивок.

– Догадываетесь, почему я решил вас побеспокоить?

Кивок.

– Не думаете ли вы, что нам следует поговорить?

Кивок.

– Желательно, конечно, не по телекому.

Кивок.

– Разумеется, если ваша супруга пожелает...

Монтекки кивнул, не дав договорить.

– Где? – Почувствовав, что ответа не дожидаться, Капулетти сказал: – Я предлагаю ресторан «Вектор». Это в центре, удобно для обеих сторон. – Что за нелепое словечко он употребил, словно речь идет о дипломатических переговорах двух воюющих держав. А впрочем... – Согласны?

Агр вновь ограничился кивком, и Капулетти выключил аппарат. Можно представить, как легко будет объясниться с этим молчальником!

Капулетти подъехали за несколько минут, чтобы выбрать укромный кабинет, где им не помешают. Да и не хотелось, чтобы их заметили. В принципе в этом нет ничего предосудительного, люди разных кланов нередко встречаются на деловой основе. Но уж, конечно, без жен. А главное – город полон пересудов, фамилии Капулетти и Монтекки уже завязаны в общественном мнении каким-то интригующим узлом, который должен быть раньше или позже, так или иначе разрублен. Если их увидят – пойдет новая волна слухов, их имена будут трепать самым нещадным образом. Монтекки,

вероятно, на это наплевать, но честь нашего рода...

Капулетти подозвал старого метра-робота, который при- служивал еще его отцу и на порядочность которого мог спо- койно положиться, распорядился подать кофе на четверых, встретить Монтеки и провести их в кабинет, не привлекая внимания посетителей – к счастью, их было немного.

Они сухо раскланялись, обменялись ничего не значащи- ми дежурными репликами: «Что будете пить?», «Да, весна ранняя», «У агров начинается горячая пора?» – и замолкли. Атмосфера была напряжена, как струна, которая, стоит по- тревожить воздух неосторожным словом, лопнет. Синьора Капулетти кидала на мужа выразительные взгляды, побуж- дая его взяться за дело, но он словно, язык проглотил. При- шлось ей брать инициативу в свои руки.

– Давайте говорить начистоту. Мы ожидаем, что вы немедленно положите конец ухаживанием вашего сына за нашей дочерью.

Капулетти чувствовал себя крайне неловко. Но в конце концов он сам виноват, нечего было тянуть.

Монтеки положил на стол большие натруженные руки и сказал:

– Мы вас слушаем.

– Мне нечего добавить, – в том же резком тоне ответила синьора Капулетти, – по-моему, я выразилась достаточно яс- но.

– Но позвольте, их двое, почему вы не говорите, как на-

мерены повлиять на вашу дочь?

– Это ваш сын не дает ей прохода, образумьте его, заставьте выкинуть из головы свою, смешно сказать, любовь!

– Зачем вы так, – впервые подала голос синьора Монтеки. – Что же здесь смешного, Ром, насколько я понимаю, действительно любит Улу.

Капулетти отметил про себя, что жена Монтеки назвала детей по именам, а до сих пор о них говорилось не иначе, как «ваш сын», «ваша дочь», будто речь шла о куклах, которыми можно управлять как заблагорассудится. И еще он подумал, что у Монтеки, в общем, не слишком импозантного мужчины, замечательно красивая спутница жизни. Прямые черные волосы, разделенные пробором и гладко зачесанные назад, открывали выпуклый лоб, нос чуть вздернут, кожа на лице матовая, причем явно не так, как бывает от загара, скорее она мулатка, об этом говорит и легкая припухлость губ.

Его супруга между тем вспыхнула, как смоляной факел.

– Позвольте, я не знаю, что там чувствует ваш сын, мне на это, честно говоря, наплевать. Я требую, чтобы он перестал ее преследовать. Слышите! Иначе мы с вами будем разговаривать на другом языке.

– Марта, – попытался урезонить свою половику Капулетти, – спокойней...

– Оставь меня, – огрызнулась она. – Я не виновата, что приходится брать на себя мужское дело.

– Не знаю, какой язык вы имеете в виду, – сказал Монтек-

ки, – мы ведь с вами можем объясняться только с помощью апов. – Капулетти не уловил, то ли он действительно просто-душен, то ли иронизирует.

– Я имею в виду, что мы будем говорить в другом месте, и вам не поздоровится.

– Почему? – спросил Монтекки тем же тоном.

– Потому что ваш сын не только лишает покоя мою дочь, его поведение преступно с общественной точки зрения.

«Забавно, – подумал Капулетти, – моя жена почти дословно повторяет мысли ректора.»

– Я не хочу вас обидеть, – продолжала она, – но поймите: агр не должен любить мату, и уж в любом случае не смеет рассчитывать на взаимность. Это противоестественно.

– Мой Ром заслуживает самой преданной любви, – сказала жена Монтекки, и в голосе ее не было вызова, просто гордость за сына.

– Не спорю, возможно, и так. Так пусть поищет себе достойную пару в собственном клане. А главное, я поражаюсь, как вы миритесь с тем, что он начал заниматься математикой. – Синьора Капулетти презрительно фыркнула. – Не говоря уж о том, что это ему не по плечу, он у вас останется недоучкой... Скажешь ли ты, наконец, что-нибудь?! – обрушилась она на мужа.

– Да, конечно, – забормотал тот, – я тоже нахожу, что такой мезальянс невозможен.

Монтекки смерил его тяжелым взглядом и обернулся к

своей супруге.

– Они правы, Анна, ничего не скажешь.

– Наконец-то нашелся один разумный человек! – вдохновилась Марта. – Так придумайте что-нибудь, синьор Монтекки, на моего муженька нечего надеяться.

Капулетти почувствовал себя оскорбленным, было особенно стыдно терпеть подобное обращение в присутствии синьоры Монтекки. Она взглянула на него и быстро отвела глаза; ему показалось, что в них промелькнуло сочувствие. Ничто не подстегивает воображение сильнее, чем задетое самолюбие, и Капулетти внезапно вспомнил совет Тибора.

– Послушайте, – сказал он, – я знаю, как следует поступить. наших детей надо разлучить, причем так, чтобы они не почувствовали, что над ними совершают насилие. Скажем, мы уйдем Улу к бабке в столицу, сославшись на то, что старушке нужен уход. Для убедительности моя мать даст телеграмму с просьбой срочно прислать внучку. А? – Он оглядел всех, ища поддержки. Монтекки оставался бесстрастным, у Марты было кислое выражение лица, и лишь прекрасная Анна поощрила его едва заметным кивком головы. – Ручаюсь вам, – с подъемом сказал Капулетти, – через полгода они друг друга забудут.

– Почему это именно мы должны отсылать Улу, пусть уж они отсылают своего сына! – сердито заявила синьора Капулетти, избегая таким образом признания, что ее никчемный супруг подал дельную мысль.

– Я согласен, – сказал мрачно Монтекки, – они, то есть мы, отошлем Рома на дальнюю агростанцию. – Он уклонился встретиться взглядом с женой, смотревшей на него с немым укором. – Другого выхода нет. Да и мальчику будет полезно потрудиться на природе, без этого ему не стать настоящим агроном.

– Можно отослать их обоих, – робко заметил Капулетти, то ли из чувства справедливости, то ли желая сделать приятное расстроенной Анне.

– Чего ради, спрашивается? – немедленно взвилась Марта. – Какая разница, будет их разделять две тысячи километров или четыре? – Капулетти не мог не признать ее возражение резонным.

– Как ты думаешь, Анна? – обратился, наконец, Монтекки к жене. Она подняла на него глаза, заблестевшие от слез, и сказала усталым тихим голосом:

– Поступай, как считаешь нужным, дорогой, тебе решать. Капулетти ощутил жгучую зависть к агру и подумал, какое это счастье – иметь такую подругу. Он тут же с испугом оглянулся на Марту: прищуренные глаза, плотно сжатые губы не оставляли сомнений, что та угадала его состояние. Теперь держись!

– Я обещаю вам, синьор Капулетти, – сказал Монтекки, подчеркнуто обращаясь к нему как к главе семьи, – что через три дня Ром уедет. Нужно время, чтобы договориться с факультетом, собрать парня, – пояснил он.

– Вот это мужской разговор! – восхитилась Марта. – Я в вас не ошиблась. – Неизвестно, чего было больше в этом возгласе – облегчения от того, что удалось настоять на своем, или мести своему супругу. Желая как-то угодить суровому агру, она продолжала шутливым тоном:

– Вы еще будете нас благодарить, не дай бог вам такую невестку, как Ула. У нее ужасный характер, она капризна, истерична, своевольна, быстро меняет привязанности. Хотя Ула моя дочь, скажу честно – это не сахар.

Муж смотрел на нее с откровенным изумлением, а синьора Монтекки улыбнулась.

– Вы что, не верите? – спросила Марта, вновь распаляясь.

– Почему же, – ответила та, – вам лучше знать свою дочь. А вот мой Ром – прекрасный юноша, скромный, отзывчивый, очень способный...

– Это уже женский разговор, – вмешался Монтекки, вставая. – До свиданья, синьоры, сожалею, что не могу сказать, будто встреча с вами доставила мне удовольствие. – Он взял жену под руку, и они удалились.

– Хам! – сказала Марта. – Таков же, должно быть, и сынок. Яблоко от яблони недалеко падает.

Дом Капулетти стоял в части города, застроенной старинными особняками, каждый из которых имел основание называться дворцом. Он был окружен высокой стеной каменной кладки, южная сторона которой примыкала к парку. Здесь Ром и решил занять наблюдательный пост. Как только стемнело, он взобрался на стену с помощью заранее заготовленной альпинистской веревки с крюком и, устроившись поудобней, приготовился ждать. Прямо напротив находилась комната Улы с двумя широкими окнами и дверью, выходившей, как догадывается читатель, на балкон.

Время тянулось нестерпимо долго. В доме не слышно было никаких звуков, казалось, он покинут обитателями. Изредка из парка доносились смех и восклицания гуляющих пар. Глаза Рома привыкли к темноте, а когда взошла одна из гермеситских лун, стало различимо внутреннее убранство комнаты. Начал накрапывать дождь, посвежело, но он не чувствовал ни холода, ни неудобства от напряженной позы, как охотник, готовый выстрелить, лишь только появится дичь. Ром громко усмехнулся собственному сравнению: какой он охотник, скорее загнанный зверек! Вальдес, отец, Сторти, Гель – все на него ополчились, требуют, чтобы он отказался от Улы, не позорил своего клана. Словно, кроме клана, и жизни не существует!

Особенно разозлил Рома Гель. Этот сопляк, которого он, как старший, опекал и защищал от агрессивных сверстников, теперь учит уму-разуму. Добро бы Геля заботила судьба брата, так ничего похожего, печется только о своей шкуре. Прямо так и врубил: «Я не намерен жертвовать своим будущим ради твоей идиотской страсти к этой оранжевой мачте». Ром хотел ударить его, но сдержался: какой-никакой, а все-таки брат, родная кровь. Главное, почему мачта? Ах да, ведь Гель, как все коротышки, завидует рослым мужчинам и терпеть не может высоких женщин, воспринимает их существование как личное оскорбление. Еще Гель грозился, что, если Ром не возьмется за ум, ему не поздоровится. Да что он может!

Потом он стал мечтать, как они с Улой поженятся и уедут подальше отсюда, где все враждебно их любви. Жаль лишь расставаться с матерью, но она будет их навещать. А чем они займутся? Ром построит дом и заведет сад, такой же, как у них теперь. Каждое утро он будет дарить своей жене... – это слово вызвало у него сладостное ощущение, – своей жене букет свежих цветов. Она устроится где-нибудь на вычислительной станции. С ее помощью он продолжит занятия математикой, и они смогут общаться без помощи апов. Они заведут новых друзей. У них пойдут дети, и это будут не маты и не агры, а какое-то новое, неведомое племя.

Что плохого, если у человека не одна, а две профессии, и он способен свободно говорить на двух языках? Правда,

он уже не может считаться первоклассным специалистом, зато ему интересней жить. Ведь вот он, Ром, едва углубившись в математику за пределы таблицы умножения, входящей в комплекс смежных знаний, начал лучше понимать матов, они стали ему ближе. Он уже не склоняется перед этим высокомерным кланом, профессия которого ставит его в положение первого среди равных. Да и Уле не помешает освоить хотя бы начатки агрономии. В конце концов наше дело тоже не последнее, без нас, как правильно выразился Гель, все протянут ноги.

Дождь перестал. Теплая сырая земля отдавала теперь впитанную ею влагу, от нее один за другим отрывались и вспаряли к небу тонкие волнистые слои тумана. Ко времени, подумал Ром, земля хорошо уродит. Он с хозяйской озабоченностью вспомнил о своем саде: пора взрыхлить сохранившуюся там маленькую пустошь, посадить пару кустов черемухи. Вон как красиво она цветет в парке...

Отвлечшись, Ром пропустил момент, когда Ула вошла к себе. Она включила лампу с зеленым абажуром и присела к туалетному столику. Убрала волосы и перевязав их лентой, Ула встала, подошла к стоявшей у окна широкой кровати, взбила подушку, расправила одеяло и начала раздеваться. Ром, с замиранием сердца следивший за каждым ее движением, хотел отвернуться, но шея ему не повиновалась; он успокоил свою совесть доводом, что однажды уже видел ее обнаженной. Ула накинула халат, вышла на балкон, оперлась

руками на перила и стала всматриваться в темноту. Рому почудилось, что она его увидела. В ту же минуту он соскользнул вниз. Уловив шорох, Ула вздрогнула.

Пробираясь сквозь кусты, Ром услышал ее тихий тревожный шепот:

– Это ты, Ром?

«Неужели она меня ждала?» – мелькнуло у него в голове. Волнение помешало ему ответить сразу. Ула забеспокоилась.

– Кто здесь? – спросила она громче. Ром заторопился и через мгновение стоял под балконом в полосе лунного света. Их разделяло всего несколько метров.

– Ты ждала меня, Ула? – спросил он с ликованием и надеждой.

– Да, – ответила она просто, – я была уверена, что ты придешь. Ты давно здесь?

– Целую вечность.

– Смотрел, как я укладывалась?

– Да, – ответил он со стыдом.

Ула пожала плечами.

– Мне надо многое тебе сказать.

– И мне.

– Тогда начинай.

– Первое слово даме, – сказал он галантно.

– Ладно. Признаюсь, я часто вспоминала ту нашу первую встречу в бухте. Потом велела себе забыть и не могла. Поэто-

му я так грубо обошлась с тобой у нашего дома. Ты понял, что это от досады на самое себя, от собственной слабости?

– Понял.

– А сама я поняла позднее, когда почувствовала, что меня неудержимо тянет к тебе.

– Ула! – вырвалось у него.

– Подожди, я не сказала главного. Нам нельзя больше видеться.

– Что ты говоришь?

– Наберись мужества, Ром, и поверь – мне не легче.

– Так почему?

– Видишь ли, мы не созданы друг для друга. Жена должна понимать своего мужа, разделять его заботы, гордиться успехами. А я ничего не соображаю в том, чем занимаются люди твоей профессии. Не сердись, кроме математики, меня ничто не интересует...

– Я изучу твою благословенную математику.

– Нет, Ром, это не так просто, ей надо посвятить всю жизнь. А кроме того, все будут против нас – твой клан, мой клан... Мои близкие разъярились, они готовы заточить меня в доме, чтобы не допустить встречи с тобой. Один только Тиббор не сходит с ума. Но что он может! Представляешь, Ром, нас двое, а на той стороне весь мир – осуждающий, злобствующий, грозящий. Разве мы можем устоять? Мне страшно, я боюсь за тебя.

Она всхлипнула. И ее страх придал ему силу и уверен-

НОСТЬ.

– Успокойся, Ула, – сказал он мягко и твердо. Какая-то новая для нее нотка прозвучала в его голосе, словно именно в этот момент Ром превращался из юноши в мужчину. – Успокойся, милая, – повторил он, – я не дам тебя в обиду, мы выстоим. Скажи мне только, ты любишь меня?

– Я еще не слышала твоего признания, а ты уже требуешь его от меня. У агров такой обычай?

– Нет, – рассмеялся он, – у нас, как у всех.

– Мне кажется, Ром, я люблю тебя.

– Теперь моя очередь, Ула. Слушай меня внимательно.

– Я вся превратилась в уши.

– Ты перевернула мою жизнь, Ула. Что сильнее любви? Ничто. И только мы, люди, на нее способны. Скалы не рушатся добровольно, чтобы спасти другие скалы. Деревья не рубят себя, чтобы оставить больше влаги своим соседям. Горы не склоняют вершин перед товарищами. Звезды не гаснут, чтобы позволить другим светилам светить ярче. Все это может лишь человек, и я осознал себя им, полюбив тебя, Ула. Когда мы с тобой встретились впервые, ты сказала, что я не знаю теории вероятностей. Это правда. Зато ради тебя я дам изрубить себя на куски.

Ты боишься, что нас сломают. Нет, Ула, это не под силу даже всем кланам вместе взятым. Кроме того, будь уверена, найдется немало таких, кто будет на нашей стороне. Моих друзей, Метью и Бена, ты знаешь. Ты говорила о своем бра-

те... да разве мало добрых людей на свете! Но, если даже все на нас ополчатся, с нами останется наша любовь.

Ула всматривалась в горящие глаза Рома, вслушивалась в его пылкое признание, и таяли мучившие ее страхи и сомнения.

– За что ты любишь меня, Ром? – спросила она.

– Не знаю, должно быть, за загадочность, а ты?

– За твою любовь ко мне. Я эгоистка?

– Ты просто отзывчива.

– Ты шутишь? Не думай, я тоже готова дать изрубить себя на куски ради тебя. Пусть будут прокляты те, кто хочет нас разлучить.

– Пусть будут прокляты все, кто разлучает влюбленных.

– Извини за теорию вероятностей.

– Не бойся, я и до нее доберусь. Подождешь?

– Нет, не хочу ждать. Поднимись ко мне, Ром.

Стена дома Капулетти была снизу доверху украшена медальонами с изображением математических формул и геометрических фигур. Воспользовавшись ими, как ступеньками, Ром буквально взлетел на балкон, схватил Улу в объятия и стал покрывать ее лицо поцелуями. Она отвечала ему с тем же исступлением. Потом, отстранившись, взяла его за руку, приложила палец к губам, и они на цыпочках вошли в комнату.

– Как ты прекрасна, любимая, какое у тебя гибкое тело и нежная кожа!

– Как ты прекрасен, милый, какие у тебя широкие плечи и ласковые руки!

– Ты самая красивая женщина на Гермесе!

– Тебе нет равных среди мужчин!

– Я твой навечно, Ула!

– Я буду всегда тебе верна, Ром!

– Ты не жалеешь? – спросил он.

– Как тебе не стыдно! – ответила она...

Несколько минут они лежали молча, переживая свершившееся таинство любви.

– Расскажи мне, Ром, о своей профессии.

– Знаешь, Ула, я люблю землю, она наша кормилица. Вы, маты, да и другие кланы, привыкли получать свой хлеб, не задумываясь, откуда он берется. А мы растим его, и это, поверь мне, не проще, чем суперисчисление твоего деда.

Она улыбнулась и взъерошила его волосы.

– Да, да, – продолжал он, горячась, – ты даже не представляешь, как много надо знать и уметь, чтобы подготовить почву к посеву, вовремя, не позже и не раньше назначенного погодой срока, оплодотворить ее зерном, заботливо выходить слабые, нежные ростки...

– Ром, кого ты любишь больше, меня или свою землю?

Он ответил ей поцелуем.

– Это не моя, а наша земля, Ула, попытайся увидеть в ней живое существо. Подумай сама, мы вносим в почву удобрения, то есть задабриваем ее, подкармливаем, чтобы она в от-

вет была милостива к нам. А если обращаться с ней скверно, не жалеть ее, не убажывать, не лелеять – она оскорбится и жестоко отплатит.

– Но ведь так с любым неодушевленным предметом. Кинь камень в скалу, он рикошетом может тебя искалечить. Закон противодействия. Что ж, по-твоему, и к скалам надо относиться, как к живым, и у них есть душа?

– У скал – не знаю, а у земли и у всего, что на ней растет, есть. Пшеничный колос, дубовый лист, куст рябины – им, как и нам, суждено родиться на свет, набраться соков, расцвести, а потом состариться, увянуть, умереть. Они, как и мы, обожают ласку и терпеть не могут грубости. С ними, я это точно знаю, можно говорить по душам, тогда найдешь отклик.

– Без помощи апа?

Ром погрозил ей пальцем:

– Ах ты, насмешница. Скажи лучше, твои мудрые формулы – в них есть душа?

– Еще какая! – оживилась Ула. – Всеобъемлющая.

– Сама придумала?

– Если по-честному – это выражение моего отца.

– Почему всеобъемлющая?

– Потому что математика универсальна. Наш язык, язык количественных измерений и превращений, позволяет охватить все в природе. И для твоих любимых растений, кстати, можно отыскать свой алгоритм.

– А что это такое? Прости мое невежество.

– Система правил, с помощью которой можно решать задачи определенного круга. Найти ее – значит проникнуть в самую суть явления. Ну, чем алгоритм не душа?

– Мне все-таки думается, что формулы бездушны, мертвы.

Ула надула губы.

– Не смей обижать мои формулы! – сказала она полушутя-полусерьезно.

– Не сердись, – улыбнулся Ром, – ты ведь знаешь, что мне самому нравится постигать смысл вашей абракадабры. Раз я полюбил тебя, я люблю все, что имеет к тебе отношение, все, к чему ты прикасаешься. Просто мне кажется, что формулы или алгоритмы, как тебе больше нравится, отражают ум вещей, а не их душу. Подумай сама, разве можно выразить на вашем языке то, что мы с тобой сейчас ощущаем.

– Можно: Ром плюс Ула равняется любовь.

– И вправду. Да здравствует математика!

– Нет, к черту математику и да здравствует любовь! Обними меня, Ром.

...Они по очереди шептали друг другу горячие бессвязные признания. Внезапно Рому захотелось услышать ее без перевода, и он велел апу отключиться.

Со смешанным чувством восхищения и досады Ром ловил и ощупывал на слух незнакомые слова и выражения. Видимо, то, что ему удалось усвоить из выкраденного учебника, было ничтожной частицей языка матов и почти не присут-

ствовало в лексиконе взрослого человека. Резкие гортанные звуки, таившие в себе абсолютное всеведение, обволакивали сознание, одновременно возвышали и унижали, побуждали к покорности и сопротивлению. Они действовали на него, как песня сирены на мореходов из старинной легенды, которую пересказывала в детстве мать. И Ром знал, что нельзя поддаваться их обаянию, позволить усыпить себя, иначе его кораблю грозит разбиться о скалы. Должно быть, именно в магии знания, недоступного для других, заключено могущество племени, которое сумело поставить себя выше всех прочих и к которому принадлежит его Ула.

Его Ула – эта мысль успокоила Рома и вернула ему самообладание. Ведь он слышит объяснение в любви, пусть облеченное в причудливую форму. Его настороженность – не что иное, как атавизм, следствие исконной подозрительности ко всему чужому. Надо отбросить ее прочь, безбоязненно пойти на зов сирены, иначе он никогда не сумеет переступить порог, разделяющий их с Улой, слиться с ней не только телом, но и духом. И не следует ждать, пока она переступит этот порог. За ним, за мужчиной, решающий шаг.

Вслушиваясь в шепот Улы, Ром нашел подтверждение своим мыслям. Да, с ее уст слетали непостижимые формулы, и кто знает, сумеет ли он когда-нибудь проникнуть в их смысл. Но все они так или иначе сопрягались с его именем. Бесконечное множество и Ром, вектор функционального пространства и Ром, комплексное переменное и Ром, кон-

формные отображения и Ром, закон больших чисел и Ром, уравнения третьей группы и Ром, аксиоматический метод и Ром... – бесполезны попытки угадать, какая здесь подразумевалась связь. И не надо угадывать, ибо голос Улы озвучен чувством. Это была высшая математика любви, и, окончательно осознав ее содержание, Ром едва не задохнулся от счастья.

Ула замолкла. Слово было за ним, но Ром медлил, обдумывая неожиданно пришедшую в голову мысль. Ну, конечно, она должна пройти такое же испытание языком чужого племени, чтобы, услышав в нем голос любви, в конце концов понять и принять его.

– Я должен многое тебе сказать, Ула, но прошу тебя: отключи свой ап. – В ее глазах мелькнуло недоумение. – Не спрашивай, почему. Так надо. – Она кивнула без энтузиазма, покоряясь его воле.

Ром заговорил своим мягким певучим голосом, пытаясь по выражению ее лица угадать, как воспринимает она чуждую символику. В нем шевельнулся страх: что, если Ула поддастся панике и не сумеет преодолеть первоначального инстинктивного отвращения, если его дурацкий эксперимент нарушит ту тонкую нить взаимопонимания, которая протянулась между ними? Он уже готов был знаком попросить ее включить перевод, но взял себя в руки и постарался вложить в свои слова всю силу владевшего им чувства.

Сенокос и Ула, опыление цветка и Ула, пчелиный рой и

Ула, запах травы и Ула, сок березы и Ула, окропление листы и Ула, завязь плодов и Ула, топот копыт и Ула, земля, его любимая земля, и Ула... Морщинки, едва появившись на ее лбу, тут же растаяли, лицо Улы засияло лучистым светом. Как он был глуп, как плохо ее понимал! То, к чему он пришел через сомнения и отчаяния, далось ей сразу, без всяких усилий и внутренней борьбы. Ром переступил свой порог, побеждая в себе недоверие к чужому клану, Ула свой – просто отбросив прочь всякую неприязнь, отдаваясь ему с тем беспредельным доверием, на какое способна только любящая женщина.

За дверью послышались шаги, влюбленные замерли и испуге.

– Ула, ты спишь? – раздался голос синьоры Капулетти. – Открой, мне надо с тобой поговорить.

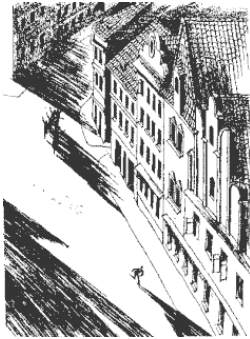
– Уже поздно, мама, поговорим завтра.

– Нет, сейчас. Отвори немедленно! Ты не одна?

В секунду собравшись, Ром последний раз поцеловал свою возлюбленную и выскочил на балкон. Не обращая внимания на мать, колотившую в дверь, Ула вышла за ним. В свете луны они оба сразу же увидели мчавшихся от ворот дома Тибора и его друзей.

– Спасайся, Ром! – вскрикнула Ула. Он соскользнул вниз по тем же медальонам, пробежал расстояние до стены парка и, ухватившись за оставленную веревку, взлетел на нее буквально перед носом яростно распаленного Тибора. У Рома

уже не оставалось времени прилаживать крюк; он спрыгнул в парк, отделался незначительным ушибом плеча и побежал что было духу.

Но как ни петлял Ром по пустынным улицам, ему не удалось уйти. Вскоре он стоял в центре плотного вражеского кольца и отовсюду в него, как плевки, сыпались изощренные ругательства.

– Ах ты, дисфункция переменного!

– Корень из нуля!

– Квадрат бесконечности!

И эхом отдавался в сознании хриплый шепот апа:

– Эрозия!

– Недород!

– Сорняк!

Ром чувствовал, что еще две-три минуты истязания и он не выдержит, свалится в беспамятстве.

– Тебя ведь предупреждали: оставь ее в покое! Слышишь?

Иначе не то еще будет. Это я тебе обещаю, ее брат.

Ром узнал резкий голос Тибора.

– И я, ее жених. На той неделе наша свадьба.

– Неправда! – Из последних сил Ром дотянулся до Пера, схватил его за грудь.

– Уж не ты ли помешаешь? – презрительно фыркнул тот и, уцепившись за ворот рубахи Рома, рванул его к себе, прокричал в ухо: – Семерка!

Черная волна накатилась на Рома, от нестерпимой боли в затылке он начал сползать на землю.

– Брось его, Пер, – посоветовал Тибор. – На первый раз с него хватит... Да, – сказал он Рому, – тебе будет интересно знать, что нас навел на след Гель, твой братец.

Тибор пристально посмотрел Рому в глаза, чтобы насладиться произведенным эффектом. И внезапно отвернулся, на лице его мелькнуло некое подобие жалости.

– Хуже нет, когда брат предает, – сказал он почти доброжелательным тоном. – Ты можешь ему отплатить, я лично даже порадуюсь. Но заруби себе на носу: тебе не на что надеяться, все против тебя – и наши, и ваши!

И они ушли, весело переговариваясь, как люди, исполнившие свой долг.

Ром долго добирался домой. Он был опустошен и растерян, в голове гнездилось одно желание: спать, скорее спать. Однако ему еще долго не пришлось сомкнуть глаз в ту ночь.

За несколько кварталов до жилища Монтекки он услышал тихий тревожный оклик. Мать, единственное живое существо на свете, которое никогда его не предаст! Или она тоже заодно со всеми? Эта мысль кинула его в дрожь. Стремясь оттянуть момент объяснения, он присел рядом с ней на скамью, где она его поджидала, и уткнулся ей в колени. Мать молча перебирала в пальцах его мягкие волосы. Рому стало тепло и уютно, он больше не чувствовал себя одиноким и затравленным.

– Ты любишь ее? – заговорила она наконец.

– Да, мама.

– Она красивая, умная, добрая?

– Да, мама.

– И вы понимаете друг друга?

– Да, мама. – Уловив в последних словах матери нотку сомнения, он поднял голову и сказал с вызовом: – Она мата, а я агр. И все кругом твердят, что наш союз немислим, чуть ли не преступен...

– Я этого не сказала, – поспешно возразила мать, но он не услышал ее возражения, торопясь излить свою горечь и

обиду.

– Что из того, что мы принадлежим к разным кланам, разве она не женщина, а я не мужчина? Почему нас лишают права любить? Будь все они прокляты!

– Успокойся, Ром, не суди так строго. Среди тех, о ком ты говоришь с такой ненавистью, и твой отец.

– Мне не нужно такого отца! – вскричал он запальчиво.

– Замолчи. Послушай, что я тебе скажу. Все не так просто, как ты думаешь. Отец искренне хочет тебе добра, он боится, что эта любовь тебя погубит. Не забывай, пятьсот лет...

– И ты, мама! – прервал он ее с укором.

– Подожди. Пятьсот лет человечество не знало ничего подобного, и поэтому все воспринимают ваш роман как дикость, отступление от привычного порядка вещей. Что бы вы с Улой ни думали на этот счет, как бы ни считали несправедливым – такова жизнь, и ничего тут не поделаешь.

– Значит, и ты с ними?

– Нет, мальчик, я с тобой. Но, признаюсь честно, я боюсь, очень боюсь за вас. Ты даже не представляешь, что вам придется вынести! Вас не примет ни одна община – ни агров, ни матов, вы будете жить изгоями, вам будет трудно найти работу и пристанище. А ведь оба вы привыкли жить в достатке, особенно Ула. Ты уверен, что она согласится на такие лишения?

– Да, я в ней уверен. Она моя жена и пойдет со мной на край света.

Мать посмотрела на него испытующе.

– Что ж, тебе лучше знать. Почему бы мате не быть хорошей женой такому отличному парню? У тебя упрямый отцовский характер, может быть, вы выстоите.

– Так ты согласна, – спросил он с надеждой, – ты благоговлеешь меня?

– Да, сын. Я знала заранее, что ты не отречешься от своего чувства.

– Милая, великодушная моя мама! – воскликнул Ром в порыве благодарности, целуя ей руки. – Ничего не бойся. Я найду себе работу, буду трудиться как вол, а Ула, не сомневаюсь, тебе понравится.

– Боюсь, нам не придется жить вместе. Слушай, Ром, сегодня чета Капулетти пригласила нас с отцом, они потребовали, чтобы тебя немедленно удалили из города. Отец вынужден был согласиться. Через два дня ты должен будешь уехать на отдаленную агростанцию в Свинцовых горах.

– Решили, значит, отправить в ссылку!

– Подозреваю, что и Улу отошлют отсюда, кажется, к бабке в столицу.

– Подлые заговорщики! – сказал он со злостью. – И ты с ними?

– Я тебе уже сказала, дурачок: я с тобой. Думаешь, почему я тебя поджидала подальше от дома?

Он посмотрел на нее вопросительно.

– Если ты захочешь, то сможешь бежать. Сторти поможет.

– Сторти?

– Он самый. Как видишь, мир не без добрых людей.

Ром покачал головой.

– Один я никуда не уеду.

– Сторти укроет тебя на несколько дней где-то в городе.

Может быть, вы придумаете, как вызволить Улу. Я дам тебе денег на первое время. И вот, – она сняла с шеи старинную золотую цепь, – на черный день.

И опять он припал к ее рукам.

– Прости, мама, что я в тебе усомнился.

У нее навернулись слезы.

– Удачи тебе, Ром. Когда вы устроитесь, я к вам приеду.

С отцом как-нибудь объяснюсь. А теперь беги к наставнику, он ждет тебя.

Они обнялись на прощание. Отойдя на несколько шагов, Ром оглянулся и помахал ей рукой. У него защемило сердце: мать сидела в той же позе, с опущенными плечами и сложенными на коленях руками, с вымученной улыбкой на лице. Он подумал, что еще много жертв придется принести ему на алтарь своей любви.

Сторти жил неподалеку в маленьком скромном домике. В окнах горел свет, и наставник появился в дверях, заслышав шаги Рома. Он был в своем обычном бодром настроении и держался так, словно ему чуть ли не каждый день приходилось устраивать побег влюбленных.

– Привет, малыш, ты наверняка голоден. Одной любовью

сыт не будешь. Уж я-то это знаю по собственному опыту. – Сторти повел Рома к накрытому столу, пустившись рассказывать об одной из своих многочисленных любовных авантур. Он добродушно отшутился, когда Ром высказал предположение, что это – очередная басня, и вскоре они весело болтали, уплетая бутерброды и запивая их отличной ячменной. Право же, нет ничего на свете лучше надежного товарища! А Ром принял и Сторти за предателя – сколько ему еще учиться понимать людей?

Однако заряд бодрости начал иссякать, уступая место тревоге и нетерпению. Сторти сразу почувствовал эту перемену в его настроении и завел разговор об Уле. Сначала Ром был скуп на слова, ему не хотелось делиться ни своими интимными переживаниями, ни позорным для него, как он считал, эпизодом расправы. Потом, откликаясь на доброжелательное участие и испытывая потребность исповедаться, он разговорился. А детали наставник ловко из него вытянул безобидными наводящими вопросами. Единственное, чего Ром не выдал, – сговора Геля с Тибором. Расчет с братом он считал делом семейным, никого не касающимся.

Сторти не стал затрагивать запретную любовную тему, зато порассуждал всласть об избиении руганью на чужом языке. Он похвалил Рома за выдержку, и тот ощутил себя чуть ли не героем, стойко вынесшим пытку и унизившим своих палачей. А вообще, прием это чрезвычайно пакостный, нормальные люди просто бьют в морду, и только изуверы пы-

тают чужим словом. Был случай, когда группа хулиганов из клана билов насмерть заговорила какого-то несчастного иста. В другой раз техи схватились с аграми, и с обеих сторон полегло по дюжине ораторов. И так далее.

Ром спохватился: уже третий час ночи, а они даже не приступили к обсуждению проекта похищения Улы. Сторти сказал, чтобы он не беспокоился, у него заготовлен гениальный план, все будет в порядке, а эти подонки Капулетти сдохнут от досады. Но Ром на этот раз не дал себя провести, взволновался и стал упрекать наставника в коварстве. Видимо, они сговорились с матерью отправить его одного. Может быть, и отец участвует в этом заговоре. Так вот, без Улы он никуда не поедет. И вообще не позволит себя больше дурачить, сам отправится к Уле, разнесет все и вся, а ее вызволит из плена. Сторти поймал его в коридоре, насилу удержал, обещав, что ровно через полчаса их рискованная экспедиция примет старт.

Они погрузили в старенький экомобиль наставника изрядное количество провизии, теплые вещи и много других предметов, необходимых в дальнем странствии. Убедившись, что дело задумано всерьез, Ром успокоился. Сторти запустил мотор на малые обороты, чтобы не потревожить соседей, но шум все равно был такой, будто по улице двигалась колонна танков. В окрестных строениях стали зажигаться огни, и наставник поддал газу, чтобы убраться от неприятностей. Его тарихтелка оказалась на удивление проворной. Она

с натугой набирала скорость, зато потом мчалась как стрела, бесшабашно отравляя всю окружающую среду клубами ядовитого белого дыма, Ром не мог понять, кому пришло в голову окрестить эту модель экомобилем.

Всю дорогу Сторти без умолку болтал о всякой всячине, не давая Рому вклиниться с расспросами. По опыту Ром знал, что наставник ничего не делает просто так, за его показным простодушием скрывается ум деятельный и целеустремленный. Оставалось довериться и ждать. Между тем они пересекли широкую кольцевую магистраль, которая опоясывала город, и выехали на тихую проселочную дорогу. Сторти изредка поглядывал на часы, он вновь скинул скорость, словно не желая прибывать к месту раньше назначенного срока.

– Куда мы едем? – не выдержал Ром, прервав очередное повествование своего старшего товарища.

– Наберись терпения, дружок, скоро все узнаешь. Так вот, вообрази, что с ней было, когда в гостиной появился твой покорный слуга, элегантный, подтянутый, в превосходной черной тройке с цветком в петлице. Моя надменная пассия чуть не кинулась мне на шею. Уж как она вокруг меня увивалась, но я держал марку: холодный, неприступный вид, полнейшее безразличие. Ну а потом – сам знаешь...

Они подъехали к ограде приморского пляжа, Сторти выключил мотор и погасил огни.

– Узнаешь?

Ром кивнул.

– Будем купаться? – попытался пошутить он, его глаза слипались.

– Почему бы и нет? Ты подремли, пока я схожу на разведку.

Ром настолько устал, что даже не спросил, что именно собирается разведывать Сторти на побережье в середине ночи. Он откинул голову на сиденье и мгновенно заснул. Ему снились алгебраические уравнения, стройные и изящные, но он никак не мог установить, с каким знаком должно быть решение – плюсом или минусом. Ему безумно хотелось отгадать эту загадку, и Сторти стоило большого труда его растормошить. Выйдя из экомобиля, Ром потянулся, глотнул свежего морского воздуха и ощутил прилив сил.

– Что мы здесь делаем? – накинулся он на Сторти. – Я теряю драгоценное время...

– Потеря времени компенсируется приобретением пространства, – философски заметил наставник. – Ну, иди. – Он подтолкнул Рома в спину.

– Куда?

– Купаться. В ту самую бухту, куда вы от меня в тот раз подло удрали.

Ром собрался было выразить возмущение этим нелепым в их обстоятельствах предложением, а потом вдруг передумал. Отчего действительно не освежиться в прохладной морской воде? В конце концов, это займет с десяток минут, а там по-

думаем, как быть дальше. Он двинулся к знакомому местечку на берегу, по дороге стаскивая с себя запыленную рубаху. Заметив, что Сторти за ним не последовал, Ром кинул через плечо:

– А ты, старик?

– Боюсь простудиться.

Чем дальше шел Ром по тропинке, утоптанной среди песчаных дюн, тем больше всплывали в его памяти подробности их первой встречи с Улой. Какой недоступной была она тогда, какой близкой и родной стала теперь. «Ты не знаешь теории вероятностей», – передразнил он и с улыбкой подумал, что и сейчас не знает, и вряд ли когда-нибудь дотянется до такой премудрости, но это отнюдь не помешает им любить друг друга. Ах, если б он мог ее сейчас увидеть!..

Ром начал продираться сквозь полосу кустов, а выйдя на чистое место, замер, пораженный. Перед ним, на том же самом месте, где и в первый раз, стояла Ула. Он решил, что у него галлюцинация, тряхнул головой, чтобы отогнать видение. Но нет, Ула осталась, она улыбнулась и протянула ему руки.

Ром кинулся к своей возлюбленной, они обнялись и долго стояли, задыхаясь от наплыва чувств, словно не виделись целую вечность, а не расстались всего несколько часов назад. И в самом деле, столь многое произошло за эти часы. «Потеря времени компенсируется приобретением пространства», – всплыла в его памяти туманная сентенция Сторти.

А ведь она не лишена смысла.

– Ула, родная, как ты оказалась здесь? – спросил Ром, когда наконец обрел способность говорить.

– Как, ты не знаешь? А я-то думала, что это ты все устроил. Значит, они меня обманули.

– Кто «они»? Расскажи толком. Конечно, я собирался тебя похитить, но, видишь, меня опередили.

– Бен и Мет прокрались ко мне на балкон и сказали, что ты просил меня немедленно приехать на место нашего первого свидания. Потом мы спустились по веревочной лестнице, перемахнули через ограду парка. О, это было настоящее приключение!

– И ты не колебалась?

– Капулетти никогда не были трусами, – сказала Ула с достоинством. – Кроме того, Ром, ты не забыл, что я люблю тебя?

Он прижал ее к своей груди.

– Ой, Ром, ты меня задушишь! Так вот, – продолжала она оживленно, – нам на редкость повезло: родители спали мертвым сном, а Тибор не возвращался. Кстати, – спохватилась она, – я забыла спросить главное: они ведь не догнали тебя?

Он неопределенно кивнул, решив, что расскажет ей об изтязании как-нибудь в другой раз.

– И скажи наконец, что мы будем делать?

– Плавать наперегонки.

– Ты шутишь, Ром.

– Ничего подобного.

– А впрочем, с удовольствием!

Через минуту, взявшись за руки, они вошли в море, плескались и резвились, забыв обо всем на свете.

Потом, присев на траву, Ула начала расчесывать свои длинные волосы. Ром взял ее за руку.

– Слушай меня внимательно, Ула. Против нас готовится заговор. Наши родители условились отослать меня куда-то в Свинцовые горы, а тебя в столицу. У нас остается один выход – бежать, если мы хотим быть вместе. Мы поженимся, и тогда никто больше не сможет нас разлучить. Не скрою, Ула, на нашу долю выпадет немало испытаний, придется, по крайней мере поначалу, жить без привычных удобств. Все, что я могу обещать тебе наверняка, это моя любовь.

Боясь уловить в ее глазах хоть тень колебания, Ром отвернулся. С тревогой и напряжением ждал он своего приговора.

– Неужели ты сомневался во мне, Ром? – Она взяла его голову в свои руки и, заглядывая в глаза, сказала жалобным тоном: – Ну что еще я должна сделать, чтобы ты понял: я – твоя функция, куда ты, туда и я...

Когда они вышли к экомобиле, там стоял еще один экипаж. А в стороне, на полянке, Сторти, Бен и Мет, расстелив скатерку, подкрепляли свои силы. Ром с чувством пожал друзьям руки, Ула кинулась их обнимать.

– Ну, ну полегче, – сказал Ром. – Это неприлично: мата обнимает агров.

– Посмотрите на этого собственника! – сказал Бен.

– Не будь скупым, Ром, от нее не убудет, – сказал Мет.

– Не ревнуй, – сказала Ула, – Бен и Метью уже видели меня в чем мать родила, да вдобавок выносили на руках из дома.

Сторти запихнул в рот огромный кусок ветчины и сказал извиняющимся тоном:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.